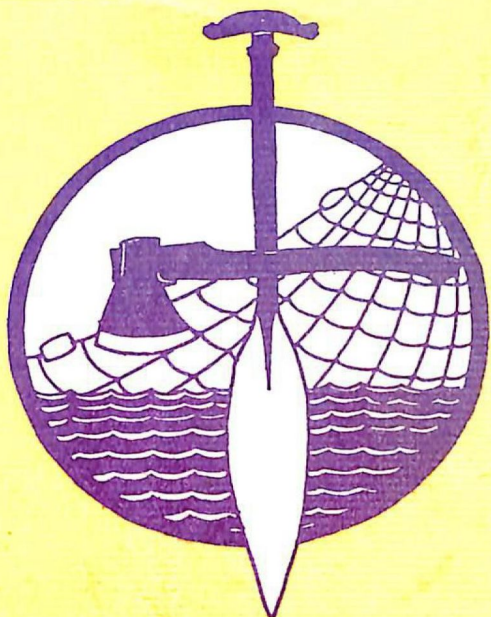

63.3(22 Сургут)

К-64

из КОНДРЯКОВА

ТРИ ВЕКА

И

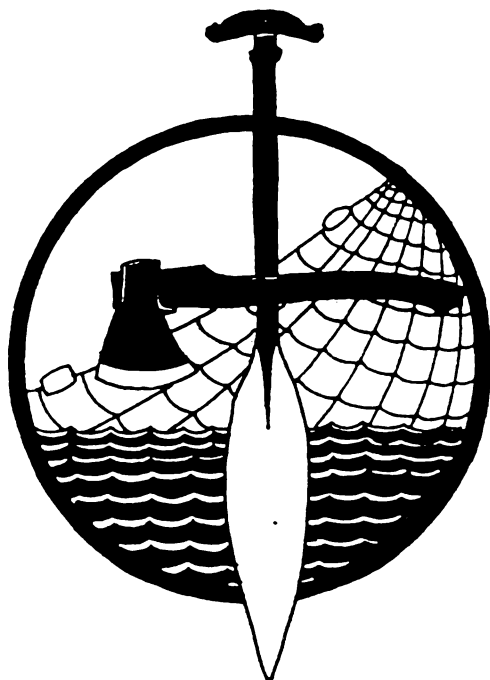
13 ЛЕТ

г. Тюмень, 1994

Галина КОНДРЯКОВА

к 64

ТРИ ВЕКА

И

13 ЛЕТ

9000091024

2-52204 - КР

Сургутская
ЦБС КР

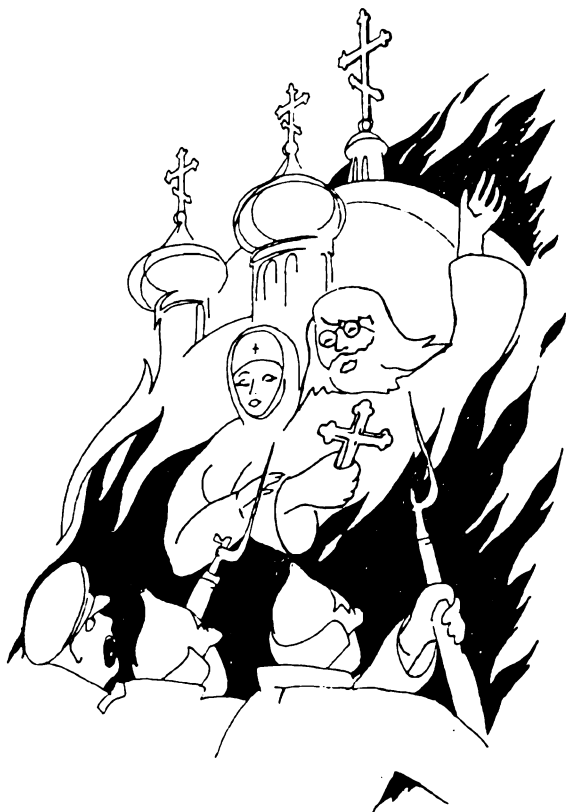
г. Тюмень, 1994

Книга Галины Кондряковой - это плод многолетней работы журналистки в газетах города Сургута и Ханты-Мансийского округа.

Очерки не оставят безучастным читателя, интересующегося историей края.

- © Галина Кондрякова, 1994.
- © Евгений Бахлыков (рисунки), 1994.
- © Юрий Мандрика (оформление), 1994.

Часть I. Точки на карте района.

Тридцать лет тому назад Сургут начал приобретать новое лицо, умытое богатством северных недр. И как водится, развивая одну отрасль, махнули рукой на другую. В результате исчезли с лица земли многие населенные пункты, многие отрасли и первая из них - сельское хозяйство. Потом район перекраили, переделили, так что остались от него, как говорится, рожки да ножки.

Но справедливости ради хотя бы в истории надо оставить заметки о былом. Потому что Сургут жил, подпитывался деревенской кроной, которая давала ему жизнь. О деревнях и пойдет речь в этой главе.

Глава I. СЫТОМИНО

В школьной летописи, от руки писанной с любовью и тщанием учениками, сообщается, что в поселении к 1917 году было всего семь избышек. Они стояли вразброс среди высоко-го соснового леса, тянувшегося на десятки километров к северо-востоку. Деревня называлась Белый Яр, очевидно, из-за снежной белизны песчаного сытоминского берега...

Первым поселенцем стал Путилов, потом к нему приехал сослуживец Михей Филатов. Вместе они и работали у купцов Кушниковых и Замятиных. Охраняли грузы, что привозили купеческие пароходы, заготавливали для них дрова, давая подработать жителям окрестных деревень... В ту пору сельчане абсолютно не занимались сельским хозяйством, грамотных здесь никого не было. Для соблюдения гражданского порядка избирался десятник на месяц, изредка из Тундрин приезжал урядник.

Уже нет в живых Евдокии Ивановны Кушниковой, а воспоминания ее остались и тоже записаны в школьной летописи. «Привезли меня сюда во время первой русской революции, совсем маленькой. Поселились мы в деревне Чимкино, что в четырех верстах от Сытомино. Семья большая, бедная. Отец рыбачил, а мать едва управлялась с нашей семейной оравой... Рано нас постигло несчастье - отец утонул. Мать отдала меня в няньки купцам Замятиным в Кушниково. Было их четыре брата, а жили все вместе одной большой семьей. Два года за рубль в месяц я нянчила их детей. Мать приезжала получать заработанный мною рубль каждый месяц.

Через два года стала прислугой. Жалованье постоянно прибавляли, и к двадцати годам я получала уже 30 рублей в год».

Совсем по-иному сложилась ее взрослая жизнь, прошедшая через войну и в постоянной заботе о хлебе насущном. Впрочем, не легче пришлось и другой старожилке Сытомино Марии Леонтьевне Першиной. Санитаркой работала, землю у тайги отвоевывала, а когда задумала строиться, пятно ей выделили с условием, что откорчует десять соток.

Послевоенная судьба тоже не баловала женщин: работали много, а получали чуть-чуть, поэтому зажиточных селян в Сытомино, считай, нет.

Сытомино - центр сельского Совета, куда входит и поселок лесозаготовителей Горный. Он возник в 1961 году на высоком берегу Лямы и в немалой степени послужил причиной гибели хантыйского поселения, этаким горной Швейцарии по имени Дарко-Горшково.

Одна за одной стали здесь исчезать деревни, которые сейчас помнят разве только старожилы. Были раньше Зарям, Чимкино, Сахаль, Ямское, Няша, Тугаска, Дарко-Горшково. Кушниково, а теперь остались Сытомино да Горный.

К началу 60-х годов в сельском Совете значатся четыре колхоза, теперь остался один совхоз, да и тот в полуразвале

У ЧЕРТОВОЙ ЯМЫ

В снежную зиму начала тридцатых годов движется санная повозка. Средних лет женщина в сшитой наспех попоне из грубо тканых половиков застыла в немой позе. Зябко и неуютно ей в жидкой лунности таежного безмолвия. Нахлобучивает покрепче армячишко, кое-как защищающий от холода, то и дело соскакивает с саней приглядеть за ребятами.

У Александры Степановны Шундеевой и ее мужа Петра Николаевича - семеро подкулачников, все мал мала меньше. Их нехитрое богатство уместилось в неказистом сундуке да половичных попонах. Остальное взять не имели права. Да и остального-то было разве что самодельные кровати, стол, табуретки. Главное, дом жалко: просторный, добротный, выстроенный своими руками.

Звенят бубенцы под дугой, все дальше увозя молчаливую женщину. Невольно возникает ассоциация с боярыней Морозовой, закованной в цепи, но не сломленной. Не была Александра Степановна прообразом героини суриковского полотна, но вместе с миллионами «зажиточных» разделила их судьбу. Судьбу насильно выселенных граждан.

В Тугаске Сытоминского Совета сибиряки их встретили недружелюбно, не хлебосольно, едва согласившись дать кипятку. Отчеканивая каждое слово, изрекли: «Пусть везут их к Чертовой яме, там потопнут. А нам это кулачье и на дух не надо».

Так и прижилось к новому месту поселения название Ямское. То ли из-за той Чертовой ямы, глубину которой, рас-

сказывают старожилы, измерить не удалось ни разу, то ли из-за множества ям, которыми богато снабдила место мелководная речушка Боровушка, местами пересыхающая в пору летнего зноя. В Ямское определили на место жительства группу ссыльных из Челябинска, в том числе и Шундеевых.

ЯМСКОЕ

В чистом поле, рядом с бором, где ныне лишь могильные холмики напоминают о звеневшей и цветущей когда-то жизни, возник поселок с добротнo сложенными домами, школой, медпунктом. Построились и Шундеевы. Уж как перебивались в ту пору, один Бог ведает. Благо, рыбой и ягодами богатые места поддерживали переселенцев, не давая сгинуть. Да и воля к жизни помогала.

Потихоньку обзавелись люди необходимым. Шундеевы на корову да лошадей сбились. Правда, дважды сводили с их двора живность. А они, словно Ванька-встанька, вновь поднимались. Впрягались в гуж родители, работали, несмотря на малолетство, дети.

Заботились не только о животе своем, но и о том месте, где пришлось начинать жить заново. У школы высадили саженцы, расчистили поляну для игр и танцев. Жилось нелегко.

Следы былой жизни здесь встречаются то и дело. Вот смолокурня: выложенные из кирпичей печи, в которых сжигали смолистые корни и пни. Выгоняли смолу, продукт остро необходимый в хозяйстве. Им можно было просмолить бродни для рыбаков, невод, лодки, мережку, заменявшую накомарник - надежную защиту от комаров. Словом, не хуже соседей из Тугаски зажили на Ямском. И хлеб растили, и рыбу ловили, и скот держали, и лес заготавливали.

Пытался на первых порах кое-кто уехать, но всех вновь возвращали. Потом уж прижились люди, подросло второе поколение, а вскоре и «проклятье» сняли. Но новая напасть деревни поджидала, когда объявили их неперспективными. И опустели Тугаска, Чимкино, Няша, Ямское. Лет двадцать с небольшим потребовалось, чтобы от них остались одни названия...

Переехали с Ямского все семеро детей Шундеевых. Кто в Сургут, кто в Ханты-Мансийск, кто в Челябинск, кто в Тюмень. И наезжают туда только навестить место последнего

успокоения матери, Александры Степановны. Могучая береза поднялась на ее могиле, словно природа воздаёт должное женщине-труженице, немало пострадавшей на своем веку.

* * *

Перемешались все теперь и в Сытомино, кто сам когда-то приехал, а кого привезли. Бывший выселками Зарям соединился с селом, а память о прошлом не выветрилась. Вот что рассказывала о себе ныне покойная Ксения Тимофеевна Комлева:

- Привезли нас сюда как ссыльных в 30-м году. Тогда мне шел пятнадцатый годок... Впряглась, как и многие мои сверстники, в не знакомый спервоначалу рыболовный промысел. От бед и несчастий оберегало меня благословение бездетных супругов Парамоновых. Варвара Егоровна перекрестила меня иконкой, приговаривала: «Ты, Сина, реки не знаешь, Богородица тебе поможет». Так до сих пор я и храню это благословение. Поначалу-то тонула, да спаслась, хоть плавать не умела.

Она достала выдавшую виды коробочку с фотокарточками и принялась рассказывать дальше, поясняя, что рыбцех в сорок первом году кругом водой затопило. До работы добирались на лодках, ведь хозяйство рыбоучастка расположилось в самой низине... Как к живым обращалась к родным и близким, показала фотографию мужа.

Петр Яковлевич Комлев как-то незаметно, но прочно завладел сердцем Сины. С ним она и под венец пошла, замечая, что любви-то не было, просто пришла пора замуж выходить. Не много на ее долю выпало романтики, больше было жестокой жизненной прозы. Один за одним рождались дети, но, не дожив до года-двух, уходили из жизни. Остался один, сынок Миша, да и тот глухонемой. «Уходили из дома на целый день,- говорит Ксения Тимофеевна.- Поставим ему чашку с кашей, привяжем за ножку - и на рыбалку, а то и в поле. Сожмется сердце, да что делать. Новый день с того же начинаешь». С организацией колхоза в 1933 году Ксения за плугом ходила, боронила, на лесозаготовки уезжала. До детей ли?

Одной отрадой в жизни оставался сын Михаил. Да недолгим его век оказался. В один из осенних дней не вернулся с рыбалки. Долго не могли найти. И почти два года мать выхо-

дила на берег, причитая: «Пожалей, Господь, материну душу, вынеси сына на сушу». То ли горячие молитвы, то ли другая божья милость способствовали, но нашелся сыночек, предали его земле по христианскому обычаю. «Легче мне стало», - говорит.

Раскрыла хозяйка горницу, показывая ровный ряд чистых половиков. Сказала, что велит вот внучатам принести кросна - будет опять ткать, много тряпья накопилось, да и внучат надо наделять.

И гостеприимством удивила: испекла на опаре такие бул-ки, как порховки во рту тают.

Опять же и документы показала, где в трудовой не учте-но 20 лет ее колхозного стажа. А первая запись гласит: обще-го трудового стажа до поступления в Сытоминский рыбзавод не имеет. Не стала, говорит, собирать свидетельские показа-ния для установления колхозного стажа. Так и осталась при минимальной пенсии.

* * *

Таких убогих, теперь немощных, в Сытомино немало, как, впрочем, в любой другой деревне. Но здесь с некоторых пор приютом для обездоленных и немощных стала сельская боль-ница. Живут в ней не только местные, иногда подвозят бом-жей из Сургута, Увата. Словом, дом призрения. Эта встреча в нем.

Назавтра у бабы Шуры будет день рождения. Она со зна-чением подняла два пальца и прошамкала: восемьдесят два исполнится. На мое поздравление закивала, зашептала и за-плакала. Конечно, без внимания бабуля Мошкина не останет-ся, ее больничные сопалатницы и персонал купили новый пла-ток, чемодан, тапочки. Продукты расставили на ее тумбочке - радуйся, старушка.

И она вроде радуется, но тут же погаснет лицо, потекут безудержные слезы так, что слова не вымолвить. Все мысли и басни ее про сына, про него, единственного, который хороший и ласковый был. А теперь в больницу не ходит, забыл старуш-ку-мать.

Ну чем утешить это горе, как залечить незаживающую рану. К сожалению, это не под силу постороннему, только сыну и его семье. О сыне речи нет, жена там главная. А она

вроде и неплохая, замечает бабуля, и ладили они с ней, когда растила их дочь, а бабушкину внучку Ирину. Теперь та повзрослела и уехала из села, похоже, не очень-то и скучает по бабушке, а невестка что ж - тоже не нуждается в прежних услугах свекрови.

Так и живет баба Шура при больнице, укладывая весь свой нехитрый пожиток вместе с документами в чемодан. Таких бездомных и безродных при живых детях в Сытомино в одно время набиралось семь человек. Приезжих как-то увезли для определения в дома престарелых или инвалидов. Но некоторым пришлось вернуться, ведь, как известно, в эти дома призрения очереди немалые. И они, переступив порог своего бывшего «дома», заплакали в три ручья, с мольбой причитая не увозить их больше отсюда.

Так живут здесь родственники. Да и в одном ли селе такая картина, когда отчуждение коснулось самых близких, казалось бы, людей в семье... И не только в семье.

* * *

Теперь точно и не назову, когда прописался этот монумент в Сытомино. Но определенно знаю, что произошло это при Антонине Григорьевне Другановой, бывшем сельском мэре, котсрую до сих пор селяне вспоминают с большой теплотой. Неугомонной и хлопотливой была она. Правда, не очень-то размахнешься на своем посту, если не имеешь экономической независимости.

Вот и памятник этот в старинном Сытомино ладили, что называется, всем миром. Привезли изваянную фигуру солдата с автоматом в руке, поставили на высоком месте между школой и сельским Советом. Обнесли оградой, установили плиты с именами погибших земляков. Их сто два, не вернувшихся с войны воина, сложивших свои головы. Но оставивших на земле свой род Сипайловых, Черкашиных, Мошкиных, Мелехиных, Емельяновых. Дети остались, теперь и внуки пошли.

А памятник-монумент так вроде и не вписался, стоит одиноко. Редко кто подойдет к его постаменту. Разве что в День Победы школьники да взрослые принесут венки. К середине лета они пожухнут, выцветут, потускнеют.

Ко всему еще как раз с тыльной стороны возвышается школьная котельная, работающая на угле... Зимой, когда при-

порошит черноту снежком, зрелище вроде попргляднее. Но тогда и воин до пояса заносится снегом, и не пробраться, не прочесть скорбные фамилии.

Так уж повелось, что в жизнь приходящее поколение начинается все с чистого листа, будто не было опыта и достижений предков. Поэтому еще при жизни люди старшего поколения оказываются в полном забвении.

* * *

Одна из таких - Александра Андреевна Черкашина. На ее молодость пришлись военные годы. В сороковых и появилась эта семья в наших краях. Ее дядя, председатель Пасольского колхоза Иван Евгеньевич Спиридонов приехал в Былино, что располагалось в Нижневартовском районе, за сестрой Олимпиадой Евгеньевной. У той на руках было трое, она, Шура, да два брата - Юрий и Анатолий. Подумала мать, что, может, к брату-то поближе, так легче ей с детьми управляться. И поехала. Однако к своим-то председатель, крутой на расправу, и того суровее относился. Первой гнал, она так и сказала, Шуру на зимние лесозаготовки, где всех-то благ - деревянный топчан в промерзающем бараке.

Помнит, что однажды она приехала домой без высочайшего на то позволения: больная, грязная, вшивая пришла из Орехова за пятьдесят верст пешком. Уж и гремел, и кипятился Ванюшка. А мать, робкая и маленькая, уговаривала брата Христом-Богом дать девке окрепнуть. А он угомонился только тогда, когда увидел племянницу.

Из Пасола Вяловы переехали сюда, в Сытомино, и то потому, что Шура самовольно убежала в Сургут, выучилась на трактористку и поехала в Сытомино пахать колхозные поля. К ней и приехала мать с братьями. Всех их уже нет в живых. Осталась только старшая из детей Александра Андреевна. Много лет она заведовала фермой, вырастила пятерых детей.

Не в одном поле пахала Александра пашенку. В Пасоле и Сахалях, Ямском и Тугаске. Нет теперь этих деревень, не стало и пахотного клина. Селились все в Сытомино, но совхоз не стал больше. Наоборот, сократился и нет в нем того хозяйства, что было изначально. Из земледельческого хозяйство превратилось в мясомолочное, но доля этой продукции в производстве очень мизерна.

Ухватились поначалу за аренду, скот пораздали, но не прижилось это дело здесь. Остались лишь в арендаторах пятеро братьев Баклыковых, соблазненных идеей свободного труда. Они-то и решили вернуть к жизни поля Ямского. В пятнадцати километрах от Сытомино выросло их хозяйство. Красоты эти места неопишуемой. Холмы и озера, речка и протоки, густые массивы и кустарники, тайга и луговина. Все под руками. Коси траву, выращивай, что душа твоя желает.

Оно так велось исстари: скот продуцировал удобрений, удобрения шли на поля, где колосились зерновые, росла картошка. Пока у ребят небольшой посевной клин, но со временем вернется хозяевам земля, пропишется здесь земледелие, а пока хозяева-арендаторы выращивают скот.

Вызванное подневольным трудом к жизни в тридцатые годы Ямское, как Феникс, возрождается из пепла.

Да и может ли быть иначе, если крепкую крестьянскую завкасу получили в семье парни. А семья у них - только одиннадцать душ детей от одного корня, матери Анны Федоровны Баклыковой. Шумом и весельем наполняется большой дом Баклыковых в выходные и праздники. На стол подается традиционный рыбный пирог, выпеченный в русской печи. Духовитое и сочное угощение, без которого сибиряки и не представляют своего праздничного стола.

Во главе, конечно, радостная и добрая хозяйка дома, мать-героиня Анна Федоровна. Более сорока человек в такие дни у нее собирается, целая артель. Без отца пришлось хозяйке выводить детей в люди. Рада, что все при деле, при доме, при хозяйстве. И никто пальцем на них не указывает, наоборот, в пример ставят.

Глава II. ПЕСЧАНЫЙ

Руками ссыльных строился другой поселок по обской магистральной, которая залпескивается сюда малым ручейком под названием Ирунчум, Песчаный. Крохотная в сравнении с Сытомино точка на карте со своей, тоже нелегкой судьбой. Довелось слышать возмущенные отзывы о том, что вновь на щит поднимаются спецпереселенцы, враги народа, и слышится в этих словах какое-то давнее, но прочно засевшее в мозгу озлобление.

Граница жилого массива. Через мостик, добротнo слаженный из круглого леса, песка и опилок, благо, здесь их рукотворные горы, производственные цеха райпромкомбината. На рейде мелководной речки Ирунчум два катера - пришли за продукцией. В пору большой воды они подходят к самому берегу. Тогда так называемый ляминский сор (это низкие затопляемые ровные места) разливается необъятно, не видно берега. В Ие становится опасным в штормовую погоду. Волны с белым бешками разверзают речную пучину, вздымая воду с самого . Катерам в такие дни нету хода, стоят на рейде, иначе разметает их, как легкую пушинку, перышко.

С середины лета водный путь прерывается, и поселок связан с внешним миром только грунтовой автодорогой - это где-то верст пять-шесть от берега Оби до Лямино, где причаливают «Ракеты» и катера, где до недавнего времени базировались речники-геологи... Закономерно возникает вопрос, почему в таком неудобном, несудоходном месте появился поселок в год «великого перелома», когда основным средством передвижения была река.

Рассказывает Евдокия Ефимовна Червина:

- Четырнадцать лет мне не было, когда привезли нас сюда. Недружелюбно и угрюмо встретили нас ляминцы. И деревня-то маленькая, руки мережей все вытирали, не зная о полотенцах, а тоже твердили: кулаков нам не надо. Вот и увезли нас сюда в глухой, нехоженный, нетронутый лес. Подальше с глаз.

А какие мы кулаки-то были, рассказать кому - не поверят. Жили в Емуртлинском районе под Тюменью. Два брата держали трех коров. Меня, десятилетнюю, на пашню возили. Все работали, чтобы кормить семью. Никто и думать не думал, что свалится на нас это горе великое. Только вот вызывать начали Филарета Ефимовича, старшего брата, в Совет. Все требовали сдавать хлеб.

Два стула в кабинете было - один сдатчика, другой не-сдатчика. Много не говорили, только вопрошали, на какой сядешь? Пока были крохи, сядил на тот, первый. А как выбрал второй, так нам и указ вышел. Выгнали из избы и повезли. А деревня-то вослед злорадно: пусть едут на север, на кочках и померзнут.

С чего такая беда приключилась, и до сих пор не ведаю,

ведь те, кто жил побогаче да позажиточнее, еще раньше в Колпашево уехали, в хантыйские юрты. Растворились, а нас вот повезли. Вспоминать то время больно, обидно и горестно. Но надо, чтоб знали люди, а то ведь и досе считают нас если не врагами, то неравными.

Тайга-то кругом была непроходимая, а у нас две руки да две ноги - и вся техника. Утром еще надо у коменданта отметить, вечером тоже. Ох и недобрые люди попались в комендатуре. Вот Бог-то их и наказал: один в болотине утонул, другой замерз.

Нелегко пришлось моим братьям: они ведь и за отца мне были, и за хозяина в доме. Они меня да Ивойлу подняли на ноги. Семен Ефимович возил в ящину рыбу, а Филарета Ефимовича на год в Ханты-Мансийск угнали город строить. Живи, семья, как хочешь. Брат был на все руки мастер: маховой пилой орудовал и строил. Без выходных и проходных, без отпусков.

Семену тоже нелегко пришлось: подорвал свое здоровье, простудился. Беда, тулупов не было, шубенка его в дырах, а ящина-то неблизкая - с рыбным обозом до Сургута. Истаял, словно свечечка, в одночасье. Хоронили Семена люди добрые, а Филарета не пустили, чтобы проводить брата в последний путь. Из меня-то какой помощник, да и мать немощная.

Й-ой, милые, сколько тогда людей погибло! Молодых и старых, детей и подростков. От непосильного труда и мук адских. Часто по дороге с лесозаготовок замерзали. Дивно даже, что мы выжили, не все перемерли. Ведь денег не было, трудодни писали, не зная, чем они окупятся в конце года. Перед войной наш председатель И.М. Загваздин, светлая ему память, как-то все больше с нами стал советоваться, решать, что развивать, какую линию, чтобы не пошло все прахом.

При нем торговать начали, крахмал готовили. Бочку вывезем, мебель какую-никакую - и деньги появились, и кое-что сами стали покупать. В сорок первом году нам разрешили заниматься промыслом, а сельское хозяйство свернули. Скотину отправили по колхозам в Локосово, Покур, Погорельск.

А здесь осталась промартель, я в ней сама станочницей работала. Шестнадцать лет делала бочки под рыбу. Посуду, сделанную моими руками, возили в Сургут на выставку. Много

было спроса на открытую посуду, ведь тогда каждый солил рыбу и капусту, брал бочки под ягоды, грибы и орехи.

И семью мы с Матвеем Спиридоновичем скопили немалую: пять дочерей и два сына. Каждый год четверых в садик собирала, всех чистеньких, хоть мыла не было - щелок в ход шел. Управлялась - для кого ночь, а для меня все день белый. И дом этот мы с хозяином подняли, умещались тогда в нем десять человек. Сейчас нас четверо, а вроде тесноват он для нас.

В горе-то тогда этого не замечали. Светлыми были для нас только христианские праздники. Мы староверы. Держались за веру родители, старшие братья. А я и мои сверстницы теперь на кладбище разве сходим да милостыню подадим. Наша уже вера теперь в детях. У меня все семеро образование получили, специальность. Внучата тоже вроде по правильному пути пошли. Их у меня 12 и 13 правнуков.

Хоть и мыкались мы с молодости, да видно не зря, наградили меня в промартели медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» с портретом Сталина, орденом материнства.

* * *

Такое же лихо пережили старожилы поселка Евдокия Сергеевна Сафонова, Таисья Васильевна Фарносова, Фелисада Васильевна Рянина, Таисья Михайловна Тарасова... Все меньше остается в живых ветеранов труда, тех, кто выхлебал горькую чашу до дна.

Но именно они до сих пор поют на фольклорных праздниках, которые проводит сын Евдокии Сергеевны Сафоновой Сергей Николаевич, вместе с братом не оставивший родную землю. Они же заводили в женсовете.

В 1965 году Песчановская промартель была преобразована в райпромкомбинат. В нем гнули сани, готовили бочки, мебель, товары народного потребления из лесоматериала. Потом производство свернули, чуть все в Лямино не переехали, а недавно стали возрождать вновь и расстраивать маленький поселок.

При въезде в Песчаный на берегу Ирунчума стоит веселый ухоженный дом. Его построил, украсил и расписал пенсионер Лазарь Лукич Фарносов. Видно, с очень большой любо-

вью и вкусом оформлял он свое строение, и палисадник обнес искусной оградой, столбики которой заканчиваются шарами. Дальше по улице еще один совсем новехонький дом, еще дальше ввысь взметнулись леса. Строится поселок.

А то ведь доходило, что здесь оставались одни пенсионеры. Производство собирались перенести в Лямино и построили целый ряд добротных домов на некогда колхозном пахотном поле. Но, как у нас всегда бывает, замысел воплотили наполовину и производство в Песчаном оставили, только кастрированное, то есть на уровне обычной пилорамы. На поток поставили переработку леса, а бондарные да столярные работы остались в забытьи.

Да и к чему, что называется, огород городить, если пиломатериалы и деловая древесина чуть ли не с пару, с жару вывозится городскими и районными предприятиями. Вышло из строя старое оборудование, теперь собирают с бору по сосенке новое. Но отток прекратился, наоборот, люди приезжают сюда в поисках работы.

* * *

«...Двадцать девятого на рассвете наша участь была решена - бригадная тройка пришла и сказала, что вам собираться пора. Не знали, за что похвататься, не знали, чего с собой взять, родные рукою махнули, лишь бы детишек собрать», - это бесхитрое сочинение - стихотворение, в котором повествуется все о той же высылке кулаков, прочитала одна из старожилок.

Рассказывает Фелисада Васильевна Рянина:

- Высадили нас в глухом лесу. Казалось, он такой громадный - может, потому, что была я от горшка два вершка. Взялись родители за пилу: тебе-мне (ее называют поперечная) - и проглянула в небо дыра. Так и валили вековые деревья, расчищая площадку под будущий поселок. Сколько раз взрослые блудили тут, а о нас, детях, уж и речи не было.

В 30-м году умерла мать, остались с отцом, он пережил ее всего на четыре года. И с двенадцати лет осталась я сиротой. Все мое тогда было: крыша - небо, стены - свет белый. Траву да лебеду ела, а как грибы да ягоды поспевали, то-то было раздолье.

Сжалился надо мной бездетный Филимон Прокопьевич Нохрин, приютил у себя. Живи, Садушка, сказал. Меня в детстве-то все так звали. Ну появился угол, а есть-то что? Мой благодетель с женой тоже кое-как перебивались. Он и стал советовать, поговори, Садушка, с инспектором, может, возьмут тебя няней в детский сад, все свой кусок хлеба будет. Получилось.

Через четыре года вверх поднялась, вначале помощницей, а потом и дояркой доверили быть. Живу у Нохриных, у них перед самой войной девочка родилась и тоже сиротство скоро узнала. Мать утонула, отца на фронт взяли. Он со слезами на глазах меня упрашивал позаботиться о дочери, а мне и мамой опекун не помешал бы. Но время было такое, и стали мы горе мыкать вдвоем с Юлей.

Задумала в те поры я дом построить, все надежды возлагала на корову. Продам молоко - с наемщиками рассчитаюсь, она и помогла мне. Ее, поилицу-кормилицу, оставили мне в наследство приехавшие за Юлей родственники, отец-то сгинул в войну... Зарабатывала я очень скромно, не протянуть ноги бы с голоду, а уж трудились - страшно вспомнить. В цехе бочки делала, на лесозаготовки ездила. У пилорамы и станка стояла, на рыбалке неводила. Тогда норму каждому спускали, и попробуй не выполни!

Бывало, к часу ночи упрaviшься. Порядок на производстве блюли отменный. Хоть и воропят или не хуже мужика, сами сутунки готовили для распиловки, сами накатывали, опил убирали. Так кругом чистота такая была, что иголку найти можно.

Доски одна к одной укладывали, чтобы председатель мог сразу сосчитать, тогда ни мастеров, ни прорабов не было. И механизации, кроме пилы - мах вверх, мах вниз - никакой, и транспортер - наши женские плечи. Горбыль и доски на них грузили до той поры, что кровоточила содранная кожа. Пожаловалась я однажды Ивану Матвеевичу Загваздину, голове колхоза, на свою хворь, он распорядился наплечники из ватышить. Хоть и полегче стало, но все равно больно.

Теперь вот здоровья-то вовсе нет, голову обносит, так я всю зиму у дочери в Лямино живу. Она учителем работает, меня не обижает, ухаживает, не пожалуюсь.

Рассказывает Зоя Васильевна Казанцева (это она прочитала то стихотворение, в котором сообщается о решении бригадной тройки):

- Уж как жила Фелисада, не приведи Бог никому. И голод, и побои, и холод, всего на ее долю досталось. Да и нам пришлось не легко. Да у нас хоть родители были рядом. Мама моя дожила до 96 лет, с ней и делили все невзгоды.

Начались они в Ишиме, где отец дом построил хороший, на всю семью. Из-за него-то и распоряжение вышло о нашей ссылке. Приехал уполномоченный Дайба из райисполкома, он и раньше у нас останавливался, и привез эту весть, предупредил, чтобы после полуночи никому не открывали.

А ехали в ссылку - не дай Бог никому. Детишек много, а повозка одна. Только для двоих, у кого было по 10-11 детей, дали две повозки. В них впрягли наших же лошадей и поехали. У одного нашего собрата по несчастью жена перед этим двойню родила, едва оправилась и их заодно с ребятней, около девяти человек, погрузили и повезли. Отец соорудил для них что-то вроде деревянной будки, в ней поставил печку и довез мальцов с матерью, а самого-то ветром качало, такой доходяга стал.

Сюда приехали, в неводники все погрузили, а грести никто не умеет. И здесь на берегу нас с калачами не встречали. Всем гуртом пробирались через лесные заросли, оставляя за теси, чтобы не заблудиться. Указали нам место и определили, чтобы до осени построили дома, так называемые десятидворки. Дом был на две половины, на две семьи. Но в первую зиму в каждой половине расселились по четыре семьи, а это 10-15 человек и более.

Бскоре отец умер, и впряглась я в гуж с 12 лет. Тогда хлеб по едокам делили, если иждивенец - 4 кэгэ, а работнику - 16-18. Поневоле пойдешь, чтобы не опухнуть с голода. Зимой мох рубила, в баню таскала, оттаивала, готовила вместо пакли для будущего строительства. Десять зим сено возила, по 6-8 лошадей запрягала. Их кликухи и ко мне прилипли, звали меня буркой.

Но подросла, на курсы отправили полеводов-овощеводов. Проучились, домой собрались, а не на чем. Пошли мы со сверстниками из Сургута пешком, привязавшись за веревку.

Сбь как раз вздулась перед ледоходом, и опасность подстерегала на каждом шагу. Но как-никак допрыгали, переночевали в Пилюгино, а в Лямино нас перевезли, хоть и льдины вздыбились.

Пришлось овощеводом поработать и помню, какой отличный урожай картошки собирали. Словом, работой не гнушались, еще за благо считали, если тебя возьмут. С коровой и детьми на покос уезжали. Десятитонные плашкоуты строили, по днищу ползали, швы конопатили. Обычно нас троих сюда подряжали: меня, Тарасову да Рянину. Ни одного дня без работы не припомню. А свою шивками-урывками, глухой ночью да ни свет ни заря.

Рассказывает Анастасия Михайловна Тарасова:

- В сдѣлку-то мы в леспромхозовский поселок угадали. Было много ягод, этим и питались. Схожу я, наберу, мужики придут, ложкой выхлебают, на том и обед закончат. А я опять в лес за ужином.

В первое лето три дома отстроили, поселились один на одном. Жилье, построенное из сырого леса, зимой насквозь промерзало. Особенно тяжело приходилось старым да малым, они и не выдерживали, умирали. В первые годы по пять покойников уносили. По этой причине исчезли дальние деревни: Озерный, Рыбацкий. Я тоже с двенадцати лет в колхоз пошла, коров доила. Много не надаивала, но план выполняла. Дополнительную оплату получала за сохранность телят. Помню, пропал один теленок, своего со двора свела.

А сельское хозяйство порешили - в промкомбинате работала. Куда ни пошлют. Вот и говорю, холодом, голодом нас пытали, а ведь выжили да еще и долгожителями стали. Отец мой дожил до 93 лет, все мои братья и сестры перешагнули семидесятилетний рубеж и не просто живут, а хозяйствуют. И я только недавно перестала держать корову. А то обычно сама сено литовкой косила. Ну и сын помогал.

Он в Нефтеюганске живет, давно к себе зовет. Можно бы и уехать, квартира у него просторная, а у меня дом худой, из тех десятидворок, что в первые годы строили, да жаль уезжать: все стало давно родным. Родители здесь похоронены, и я хотела бы быть с ними рядом.

Иногда посещают мысли: съездить бы туда, откуда нас привезли, но... Отец как-то ездил, возвратился расстроенный, рассказывая, что все вокруг разорено, так что назад пути нет и в город не хочется, тут уж останусь.

Мы привыкли здесь друг к другу, в гости ходим, на семейные вечера, а то и просто на посиделки, толковища. Судьба у нас общая, нелегкая, да другой нет.

Рассказывают Лазарь Лукич и Таисья Васильевна Фарновы:

- Все время, как только приехали сюда, мечтали построить новый просторный дом, да побаивались, а вдруг опять высылка выйдет. Но вроде настойчиво стали поговаривать, что строиться может каждый. Вот и взялись мы с сыновьями за дело. За два месяца подвели сруб под крышу. На второе лето отделку закончили. Зиму-то готовил косяки, рамы и прочие предметы. Бывший директор Калинин все поощрял, говоря, стройся, Лазарь Лукич, поможем. И успел я, потому что потом, как Калинин уехал, в цех не пускали.

Построились, снаружи украсили и благоустроили усадьбу, да только жить в ней стало некому, сыновья в гости приезжают. Привезли нас сюда еще очень маленьких, да так мы и остались. Поначалу потому что документов не было и выезжать не разрешали, а теперь уж вроде привыкли.

Рассказывает Евдокия Сергеевна Сафонова:

- В Тавде, где мы жили до этого, у нас была в собственности ветряная мельница. Может, это, а может, то, что дед Никифор Анисимович был церковным старостой да жадным до работы, и вышло нам переселение. Кто знает, может, оно и к лучшему, ведь говорили, кто остался, так всех в 37 году порешили, а говорили, что исчезли бесследно. Думаю, людей-то забирали, так расстреливали.

Дед всех нас приучил к делу с 12 лет. Бывало, увидит, что кто-то раньше его лошадей поймал, на целый день у него настроение испортится. Хоть и малограмотный был, но на Ленина надеялся и на власть зла не держал, хотя не мог и вынести бремя переселения и скоро умер.

У каждого из нас была своя дорога, но в общем одна на всех. Везли нас с конвоем во главе. Он вперед, обоза ехал, велел сельчанам убирать ножи и топоры, словно преступников

сопровождал. Да и обращались с нами не лучше, чем с преступниками. Заболел в дороге ребенок, похоронить не дали, так в больнице и остался, как собачонок.

В здешней тайге в первые годы многих цинга покосила. Многих непосильная работа сгубила. Но на пустом месте все-таки вырос поселок, да не один. Во время войны детдом здесь находился, больницу, баню, клуб и школу, даже комендатуру построили. Вот и погинули люди от непосильного труда. Я четырнадцать лет от матери осталась, отец снова женился, детей много, вот и пришлось пойти работать.

Приняли телятницей, потом на старшую доярку отправили учиться. У меня автобиография той поры сохранилась, где написано, что родилась в семье зажиточного крестьянина, это было как будто клеймом. Ну работала на ферме. После учебы в Ханты-Мансийске - зоотехником при Тундринском зоопункте. Парни заглядываться стали, я уже была в поре. Только вот узнала, что того парня, Федьку, который мне внимание оказывал, грозилась исключить из комсомола. Не получилось так у нас в нем дружбы из-за моего происхождения.

Но нашелся тот, кто не испугался, и завели мы семью, которую хозяйством поддерживали да еще дяде сдавали так называемые излишки и «добровольно». У кого не хватало на сдачу, те покупали.

Да, много мы работали, в поте лица и кровавых мозолях хозяйство поднимали. И так больно видеть теперь, как все это рушится. Не стало коллектива. Едут сюда кому не лень, как птицы перелетные. Спецовку получают, в том на работе и дома ходят. Немного поработают да в том же, что получили, и уедут. Ни у кого никакой ответственности не стало. Слабинку почуяли не только в нашем комбинате, а и в стране.

Все мои собеседницы до сих пор гадают, не имея однозначного мнения: то ли поднимать их сибирские земли привезли, то ли раскулачили. Только непроходящим рубцом на сердце остались в их памяти те тридцатые-сороковые годы.

Глава III. ТУНДРИНО

В конце восьмидесятых годов сельчане отмечали трехсотлетие Тундрино. Некогда место политической ссылки, оно начало расстраиваться еще до революции. Хозяйничали здесь

в ее преддверии купчихи Матрена Ивановна Косицына и Александра Ефимовна Кайдалова. Ссудой переселенцев они не особенно баловали, выдавая ее тому, кто служил им верой и правдой. Купчихи и поддерживали связь с внешним миром, торговали, скупая пушнину, дичь, дары тайги от местных жителей. На этом наживали немалый капитал.

Новую страницу в истории села перевернула революция вздыбившая народ. Потеснили купчих на рынке, сами сельчане решили хозяйствовать. Но недолговечным был мир. В Тундрино происходили кровавые столкновения между белыми и красными, между теми, кто хотел вернуть старую Россию и теми, кто отстаивал завоевания революции.

Говорит старожил села Мария Константиновна Тарханова:

- Звенящая тишина стояла в деревне. Ровно перед бурей. Мужчины, кто был в силе, ушли в лес. Остались тут только старые, малые да бабы. И пароход-то причалил тихо, без гудочка, вывалив на берег колчаковские цепи. Шли они строем, распахивая калитки и входные двери. Все мужиков спрашивали.

Да не так-то просто их было взять, не окажись предателей. Из наших же и нашлись пособники. Схватили парней.

Была в ту пору я очень молода, жила в няньках и ночами вздрагивала от выстрелов. Вот ведь она церковь, почти рядом, в которой под стражей держали наших сельчан. Ночью их на расстрел выводили. Гремели выстрелы и только искры сыпались. Расстрелянных похоронили в яме, а потом уж перенесли их в братскую могилу...

Кровавый след тех лет остался в памяти живущих, да вот эти скромные обелиски свидетельствуют о событиях давних лет. На этом неумелой, непрофессиональной рукой начертана фраза: «Ни камню скорби, ни камню славы не заменить погибшего бойца». И фамилии. Более двадцати.

При реставрации некоторые фамилии исказили, некоторые попросту забыли. Стирается память о тех днях вместе с последними свидетелями и их участниками.

Охотно вызвался рассказать об этом трагическом эпизоде Леонид Яковлевич Юрицин. Мы шли с ним под тенью густых могучих кедров на сельское кладбище. Мой добровольный гид

не был очевидцем событий тех лет. Очевидцев вообще уже не осталось в живых. Но историю эту знает каждый старожил: отец передает сыну, тот своему сыну и так словно по веревочке.

Говорит Леонид Яковлевич, что расстрелянных хоронили по русскому христианскому обычаю: обмыли, обрядили и предали земле. Установили в память о них деревянный обелиск с пятиконечной звездой, теперь вот стоит новый, на века, из цемента и бетона. На краю села, но на самом видном месте, которое когда-то облюбовали зодчие мастера, воздвигнув церковь. Сияла она золотыми куполами и крестами. Но купола и кресты бухнули на землю, уничтожили, зато пристроили немело что-то вроде будки и перевели ее в разряд культурных реждений.

Рядом с обелиском скромная плита. Которая сообщает, что под ней покоится один из первых председателей Тундринского Совета Степан Ефимович Кайдалов.

Юрицин говорит:

- Спроси любого из старожил, никто плохого слова о председателе не скажет. Человек он был, при жизни еще нередко называли его Степа Питерский, видимо, по аналогии с двадцатипяти тысячниками, направленными на места из Питера.

С раннего утра наш председатель был на ногах, всех в деревне знал по имени-отчеству. Ребятишек тогда много было, он и их всех знал до единого. Любимая его присказка: милоч или милочка. Только так и не иначе обращался он к каждому.

Село при нем цвело и расстраивалось. Сами мужики улицы обихаживали: тротуары строили, канавы копали. Село-то наше в низину шагнуло, стоять бы в нем голимой няше в весеннюю и осеннюю пору. Но нет, если хозяин проглядит, канавку не прокопает, Степан Ефимович напомнит. И чтобы скот бродил по деревне - ни боже мой. Грамотей-то он был не ахти какой, а понимал свою задачу, дай-то Бог каждому. Одно слово - хозяин. Мы и сравнивали его нередко с большими людьми.

В самом начале пятидесятих годов уехал наш председатель учиться в партийную школу. И там не хотел быть в последних - старался постичь науку. Да подкачало здоровье. Там

и скончался. Из окружного центра путь неблизкий. В Тундрино попасть разве только на лошади. Вот на ней-то и привезли Степана Ефимовича Кайдалова. Хоронили при большом скоплении народа с духовым оркестром. И место ему выбрали подле бойцов революции.

Хочу теперь сказать, что расположено село в красивейшем живописном месте на берегу Курьи, стоит в обрамлении могучего кедровника, который заслоняет своей раскидистой кроной заросли малинника. На плодородных пашнях буйно растут травы, перемежающиеся лиловыми соцветиями цветка, прозванного здесь золотушником. Давно не касалась их рука человека. И такая кругом стоит тишина. Село до недавней дачной поры было глухим и заброшенным. От старых построек остались лишь покосившиеся дома из добротных старых бревен да церковь, с незапамятных времен выкрашенная в белое, не отцвела и сейчас.

До недавнего времени здесь сохранялись здание церковно-приходской школы, добротные дома, украшенные деревянной резьбой, кружевами. Сейчас их нет. Недавно не стало и последнего старинного бревенчатого дома, приспособленного под магазин: сгорел. Сияет пустыми глазницами школа, с любовью когда-то построенная здешним директором, ныне покойным Аристархом Николаевичем Поповым. Растащили, разобрали ее по досочке. Не пробраться без помех к фельдшерско-акушерскому пункту. Хотели здесь строить овощехранилище. Вздыбили, перелопатили землю да и бросили.

Печать забвения и запустения на всем некогда бурлящем, жизнеспособном селе.

- Мы, конечно, не молчали о том, что постепенно сносят с лица земли наше село. Писали, да услышаны не были. Издали-то, сверху, может, кому и верным покажется не оставить следа от деревни, а вблизи-то... Как вспомню былое, сердце кровью обольется. Колхоз у нас был не с плохим счетом. Рыбу ловили, посевные площади имели, две зверофермы, в полутора километрах рыбоучасток. Рыбы по 500-600 тонн добывали, скота около 3000 голов держали.

В нашем Совете насчитывалось семь деревень: Тундрино, Пилюгино, Сармановка, Озерный, Высокий Мыс, Лямино, Песчаный. В центре Совета проживало 450 человек. У каждой

семьи богатое подворье, сами себя всем обеспечивали и государству сдавали. Заготовки пушнины, орехов и ягод большие вели. В кедровник-то, вот он почти рядом, а никто шагу не мог ступить без разрешения лесника. Ну а как пора наставала - иди, да только в то место, которое тебе отведут. Ясно, похуже, чем колхозное.

Потом колхоз стал отделением совхоза. Хотели лучше сделать, а что получилось. Тихо упразднили рыбоучасток, где были школа, пекарня, садик и 25 гектаров хорошей плодородной земли.

Потом и отделение совхоза закрыли, перевели Совет, убрали почту, библиотеку, телефон, больницу, теперь вот школу раскатали. Преподнесли нам, ровно вот этому кедрачу решение, мол, вас передаем объединенному авиаотряду. Словом, старое порушили, а нового ничего не изобрели, - так говорил старожил, бывший когда-то бригадиром и председателем в колхозе, Александр Михайлович Бакшеев, староста Тундрино.

- Опустели, осиротели дома. Кое-какие из них дачники прикупили, ездят теперь на лето из города. Летом набирается здесь до ста жителей. А мне бы и смириться, да сердце не дает, совесть не позволяет. Как это можно живую-то деревню захоронить, не дав людям ничего взамен. Разве за то сложили головы наши отцы? И мать мою с младенцем во чреве водили на расстрел бандиты. Да побоялось кулачье, что если Бакшеиху расстреляют, так всех коммунист Михаил Бакшеев переведет под корень. Всем придется уйти.

Под страхом огня и смерти мои предки выстояли, а мы оказались бессильными перед волевым натиском в мирное время. Так и получилось, что триста лет, три века набирало Тундрино мощь, а за 13 лет мы тут такое натворили, что село стало иметь вид, будто после бомбежки. Дома-то хоть бы разобрали, перевезли. А то просто перепилили на дрова. И никому до того нет дела. Нет Степана Ефимовича поднять мужиков хоть на то, чтобы посадили пашню.

С селами и деревнями ушли в небытие удивительные памятники - избы с деревянными кружевами, дома добротные, крестовые, купеческие. И деревянные церкви. Одна из множества их у нас сохранилась и стоит в Тундрино, точнее ска-

зять, доживает свой век. Потому что с революцией здесь и купола полетели, и превратили церковь в очаг культуры, где в последнее время кино крутили. Потом освятили ее священники Сургутского Свято-Никольского прихода да и тоже забыли. Прописалась нынче в храме «видушка» нелегальным образом. На восстановление просто денег нет, а может, желания.

* * *

...Случайно вцелевшая фотография переносит нас более чем на полстолетия назад - в день празднования очередной годовщины революции. Такие коллективные фотографии нынче большая редкость. На этой собрались участники демонстрации в старинном Тундрино. На переднем плане самые маленькие участники шествия - дети, за ними взрослое население с ружьями за плечами, подчеркивающими род занятий сельчан.

Многолюдная демонстрация с флагами, плакатами, портретами пришла на самое высокое место, где еще в прошлом столетии была построена церковь, обнесенная старинным штакетником. Сюда и шли сельчане в год годовщины революции. Подлинники фотографий хранит жительница Высокого Мыса Тамара Александровна Щепеткина. Достались они ей по случаю - нашла в брошенной избе покойной тетушки.

В числе демонстрантов она отыскала своего отца. Знакомое лицо на снимке узнала и еще одна сургутянка - Наталья Николаевна Воронцова. Она с волнением признавалась, что третьим в верхнем ряду запечатлен ее отец Николай Михайлович Коголкин. Это был статный бравый парень, говорила Наталья, кабардинец по национальности. В поисках счастья он приехал на север, женился на местной девушке Маше да так и остался в наших краях. Как все население Тундрино, охотился, рыбачил. А когда избрали председателем завкома рыбозавода, Коголкины переехали в Сургут. Здесь одно время Николай работал начальником отдела кадров. А в сорок первом ушел на фронт.

Однажды молодого бойца снял фотокор военной газеты, подписав его коротко: «Награжденный медалью «За отвагу» снайпер Н. Коголкин, истребивший 43 фашиста». Хранится в семье заметка из старой военной газеты, где Коголкину посвящены такие строки: «Повышением боевой готовности встретили 26-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической

революции наши снайперы. Особенно отличились в истреблении гитлеровцев снайперы Коголкин, Осокин и Кочев. За последние три дня они уничтожили десять немцев».

Хранит дочь и поздравление товарищей мужа его жене Марии Ивановне: «Привет с фронта. Поздравляем вас с 26-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. Ваш муж, Николай Михайлович, служит в нашем подразделении. Он у нас снайпер. Это такая боевая специальность, которая требует выдержки и умения, чем, конечно, и обладает ваш муж.

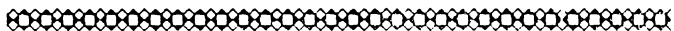
На его счету 74 уничтоженных гада, которые не топчут уже своими ногами нашу землю. У вашего мужа расчет точный. Выстрел - и нет одного гада. Грудь его украшает медаль «За отвагу», представлен к награде орденом Красной Звезды. Ваш муж не только боевой товарищ, но и неплохой агитатор, пользуется большим авторитетом.

Поздравляя с праздником, мы, командиры, бойцы, заверяем Вас, что впредь врага мы будем бить еще сильнее».

Летом 1944 года Мария Ивановна, открыв конверт, нашла в нем похоронку. Остались у Коголкина три дочери: Наташа, Тамара и Римма. Наташа свыше сорока лет трудилась на рыбозаводе, самом старейшем предприятии города. Отсюда и на пенсию пошла, и квартиру ей благоустроенную выделили, и теперь не забывают. Тамара и Римма во Владивостоке живут, но тоже, что называется, с рыбой работают. Тамара начальник консервного цеха, Римма - технолог. Далековато разъехались родные, но все же изредка сюда наезжают и непременно едут в Тундрино, где прошло их детство, где молодыми да веселыми были их родители Николай Михайлович и Мария Ивановна Коголкины.

Глава IV. ВЫСОКИЙ МЫС

С пятачка прибрежной территории центр Совета - поселок Высокий Мыс шагнул в глубь лесного массива. Глубокие обские воды, подтачивая берег, заставили отнести жилье. И прямой, как стрела, улице вырос ряд добротных домов, два магазина, хлебопекарня, столовая, почта, детский сад. У многих изб пристроены палисадники, засаженные кустами смородины, рябины, крушины, березой и даже лиственницей.

Поселок и сегодня застраивается интенсивно, потому что и здесь ощущается острая нехватка жилья. Ведь сюда переехала и часть тундринцев - из села, вошедшего в конце семидесятых в разряд неперспективных.

* * *

Лишь три часа в сутки отдыхала колхозница А.В. Стафеева. Не видела, как и дети выросли. Одна такое поле обрабатывала, что нынче под силу доброй бригаде. На восьми лошадях за семнадцать километров возила сено Е.М. Ваганова. Сколько тонн перевернули хрупкие женские руки, сейчас узловатые, грубые, мозолистые... По колено в холодной воде на пяте ходили Е.Н. Пяткова, Р.Г. Беляева, притоняя невод с богатым уловом. А потом три-пять километров на гребях - до рыбоприемного пункта. Только руки, в основном женские, развивали в колхозе животноводство. По 20-25 коров было у каждой доярки.

Немало сельчан с лошадьми и повозками в зимнюю пору уезжало на лесозаготовки. Среди них И.А. Галаганов, А.В. Перевозкина, Я.Т. Калмыков. Этот поселок, как и многие, отдал фронту своих лучших сыновей...

Часть поселка заселена тундринцами. Познакомимся поближе с ними. Вот семья Щепеткиных. Тамара Александровна, Александр Васильевич, три их сына - Василий, Николай, Владимир, невестки Надежда, Татьяна, Ольга. Все, за исключением матери, трудятся в совхозе. Мужчины - механизаторы, женщины - в животноводстве. И только Тамара Александровна всю жизнь проработала на почте письмоноском. Потому всех сельчан наперечет знала, в курсе всех их новостей была.

Один за одним создали свои семьи сыновья. Совхоз каждой выделил жилье. Да и как иначе: враз шесть работников прибавилось. Конечно, с грустью она вспоминает Тундрино, родное свое село, где бегала босоногой девчонкой, где стала женой, матерью, потом бабушкой. Да что поделаешь: разорилось Тундрино, не стало рабочего рынка, не стало и работников. Хотя в последнее время вновь закипела здесь жизнь, дачников теперь уже.

Но и здесь, на Высоком Мысу сегодня вместо двух совхозных отделений осталось одно: молодежь почти не задерживается. Таких, как Щепеткины, в поселке немного. Создав-

шийся дефицит рабочей силы восполняется за счет приезжих, в основном выходцев с Кавказа. Сельское хозяйство они, конечно, знают, так как у себя на родине, на Северном Кавказе, занимались скотоводством. Но все же немало времени им требуется для адаптации, для приноровки к природным и погодным условиям.

Тугой узел кадровых проблем рикошетит на хозяйственную деятельность. На круг здесь получают по 1700 килограммов молока от коровы, более чем скромны привесы мясного стада, урожайность овощей, картофеля. Слаба в совхозе кормовая база, да и помещения постройки тридцатых годов, что возводились руками спецпереселенцев. Работают здесь на дядю, не видя результатов своего труда, да и не очень о том заботясь.

Как замечает старая доярка Тамара Михайловна Сарпульцева, все здесь пущено на самотек. В загоне селекционная работа, не проводятся выбраковка и ремонт стада, потому коровы больше напоминают подросших телят. Обобщенное стадо потеряло свои клички, остался один номер. Не стало и разнотравья. Под колесами механизированной армады не остается ничего живого. К тому же сенозаготовка нередко растягивается до поры «белых мух» и, как правило, напоминает очередное сражение.

На Высоком Мысу сосредоточено немало копытных животных. Часть их круглый год стоит под открытым небом. Поддаст мороз под сорок, так дай Бог молодняку не окочуриться. Не до приёсов.

Часть стада содержится в добротном коровнике на тундринской заимке, хоть и скученно, но все же более-менее нормальную зимовку здесь ему можно обеспечить. В копейчку влетает содержание, да что поделать, живая ведь скотина.

В трудное время начиналось становление Высокого Мыса. Его обживали, строили спецпереселенцы, оставшиеся теперь, как говорится, у разбитого корыта.

* * *

По деревенской улице шли двое. Она - в легком пальто, он в накинутой на плечи фуфайке, в шапке с одним загнутым ухом. Так уж заведено в деревне: выскочил на минутку к сосе-

дям или родне в том, в чем был дома, и вперед. Поровнявшись с парой, я окликнула: «Не Беляевы ли?»

- Беляевы,- ответил мужчина и охотно поддержал разговор, мол, ходили во двор к сыну скотину проведывать. Сам-то он чуть свет на «газушке» в Лямино уехал, сноха с детьми одна осталась, а живность, она хозяйского догляда требует. И пригласили побывать у них дома, что на окраине Высокого Мыса.

Оказалось, что это половина дома с синими наличниками, около которых красовалась водовозная или какая-то другая емкость на санях. Мне и самой хотелось побывать у Беляевых. Запомнилось, как прежде горевал Алексей Григорьевич о жилье, которое справедливее бы назвать халупой.

Отыскала я ее без труда, щелкнула кольцом запора и очутилась во дворе, чисто ухоженном. Но поднялась на крыльцо и будто в нору провалилась. Внутри стены кое-как держались, схваченные поперечными подпорками, бревна под окнами превратились в ватную труху.

- В таких-то хоромах,- начала рассказывать Раиса Александровна Беляева,- не мы одни живем. И Нюра Шулинина, и Татьяна Таскаева, и большинство старожилы, свезенных сюда в тридцатых годах.

- Вы, значит, из спецпереселенцев, из раскулаченных.

- Из них, из них, - согласно закивала головой хозяйка,- только досе в толк не возьму, как нас причислили к ним. Богатей мы были аховые: две коровы, два коня. Так это на всю нашу семью, в которой было трое детей. А вот спохватили, посадили и повезли куда Макар телят не гонял. Ох, и насмотрелась в дороге! Детей мертвых оставляли на постое, так как хоронить не давали.

Привезли на берег Оби, бросили, как хочешь, так и живи, к людям не кинешься: протоки да река стали преградой. Вся механизация - две руки. Холод у тебя да голод в союзниках. Можно бы рыбу поймать - сетей да лодок нет, да и уменья тоже. Ну, кто вырыл землянки, кто сырые избушки поставил. И обосновали мы новый поселок Озерный. Теперь-то его нет, все оттуда уехали, кого увезли еще перед войной - с концом.

Вся ломовая работа была моя. Пять лет на лесозаготовках вкалывала: в Майском, Каркатеево, Орехово. Платили не-

густо. Да и эти крохи делили с государством: на так называемом заеме без отдачи. Потом все сельские науки постигла. Дояркой-пояркой, телятницей, техничкой в школе трудилась. Правда, в пятидесятом году меня приметили, депутатом сельского Совета избрали, отмечать стали.

И моя собеседница вынимает из заветной сумочки разные документы: свидетельство «Победитель социалистического соревнования», удостоверение к медали «30 лет Победы в Великой Отечественной войне», почетные грамоты - лучшей телятнице, звероводу, доярке.

- Все же в труде черпали вдохновение?

- Этим и жили, дружно и весело трудились, друг с другом горем и радостью делились. А теперь как-то косо друг на друга смотреть стали, разучились радоваться удаче соседа, все больше завидуем. И у Алексея награды есть, вот где-то тут они лежали.

Порылась, вздохнула. А муж ей успокоительно: ладно, мол, бабка. Но и сам засуетился, отыскал и кое-что в свою очередь рассказал:

- Судьбы наши с женой очень похожи. И нашу семью привезли сюда. С двенадцати лет, в сорок втором, пошел я в колхоз пахать, боронить, хоть из-за плуга еле видно. Учиться бы: и желание было, но нищета не пустила.

- И все же, слышала, жизнь не только плохой стороной к вам повернулась?

- С благодарностью вспоминаю службу в армии. Окончил двухгодичную партийную школу. Был комсоргом, обучал молодых командиров. Даже два с половиной месяца в газете поработал корректором. Стремился восполнить культурные пробелы: ходил на все спектакли в оперном театре Новосибирска. Там, в сорок девятом, видел Мао Цзэ-дуна, который ехал к Сталину на семидесятилетие. Видел Буденного, Покрышкина. Помню, в Новосибирске бюст Александру Ивановичу открывали. Обошел трижды сам герой этот монумент, помолчал и сказал напоследок одно слово: «Похоже».

- После службы вернулись на Мыс?

- И проработал, считай, сорок три года. Только пенсию мне назначили за 24 года, не вошел колхозный стаж, да и детские трудовые годы не зачли. Есть на сей счет завышка -

инструкция. Вот если бы после упразднения колхоза пошел в совхоз - стаж бы сохранился. У меня без «если». Работал я в МТС, ветфельдшером. Думал, что все зачтется. Ан нет, выборочно берут года-то.

- Давайте о доме. Не было у вас мысли новый построить?

- Пробовал, лес заготовили, ошкурили, три ряда срубили.

Да рассудили, что сил не хватит, и отдали заготовленное в совхоз. А теперь вот у разбитого корыта в буквальном смысле остались. Хоть и сердце болит, заходится. Невтерпеж смотреть на эту несправедливость. Стариков оставляли в хибарах, а новые дома молодым отдавали. Оно и им надо. Но ведь мы еще живы. Так нам в бетонные казематы предлагают переселиться, где ни кола, ни двора и холодно.

- А что же сельский Совет?

- В обиде я на него и председателя - тоже. Такой ответ мне прислал с копией в районный Совет обтекаемо-«грамотный». Упрекнул, три комнаты требую, что сам «неактивно участвовал в деятельности Совета», вот и возникают конфликтные вопросы. Заикнулся было я о том, что и поздравить в профессиональный праздник не пригласили. Так получил ответ, что «вас просто забыли вписать в список ветеранов труда».

И Алексей Григорьевич показал тот ответ. Действительно, настоящая отповедь, достойная сатирического пера.

Обидно Беляевым. Трудились они изо всех сил и до сих пор еще держат скот, сдают мясо, молоко, огород садят. А просят мало: сахару, иногда водки по выдаче, мыла вот еще. Квартиру бы им, право, заслужили. Да и пора давно.

Но всего более ждут они повинной в незаконном и вероломном их выселении. Повинной при жизни, пока живы их родители - Анна Григорьевна Беляева и Антонида Савельевна Порошина. Неумирающее прозвище «колонки» прилипло и к ним, Раисе и Алексею Беляевым и еще к ряду спецпереселенцев-изгоев, в сущности, гонимых трудолюбивых крестьян. Хоть на излете бы жизни им реабилитация вышла.

Глава V. ГРАНИЦА РАЙОНА

Вверх по водной магистрали, в двух часах езды от райцентра раскинулось Локосово. Густонаселенное и длинное село - одно из трех имеющих в районе и последнее на берегу

обской протоки. Дальше - граница района - Покурский сельсовет. Солидный кусочек с богатыми поймами, песками и угодьями сравнительно недавно отошел, а вернее, мы сами отдали Нижневартовскому району.

Непривычно это до сей поры старожилам. Бывало, поставят они мотор и лодку и айда до Покура. Те тоже нередко наезжали в Локосово. По своим неотложным делам. Да и как иначе? Здесь ведь было отделение совхоза «Покурский».

После деления еще какое-то время оставался большой гурт молодняка. Сейчас и его нет. Контора отделения превратилась в обыкновенный жилой дом, а фермы, корпуса отданы в пользование новым хозяевам - линейно-производственной службе управления по транспортировке газа и жидких углеводородов. Тут их подсобное хозяйство.

На месте добротных колхозных полей в самом селе, за Обью сейчас домашние постройки, а где нет - заросло травой и бурьяном. Так вот постепенно с делением района перевелось и некогда основное занятие сельчан - земледелие и животноводство.

Взамен в Совете появилось немало организаций индустриального профиля. Кирпичный завод, участки подводно-строительного треста, Сургутнефтегазстройиндустрии, управления механизации, автобазы, уже упоминавшегося ЛПДС транспортных газа, трубопроводчиков. В Локосово отличный Дом культуры, девять магазинов, средняя школа, больница, аптека, библиотека, два детских сада-яслей, комбинат бытового обслуживания, гостиница, отделение связи, теплица, возводится капитальное жилье.

* * *

Исконным занятием части старожилов считается рыбодобыча. Ее становление началось со времени освоения края, когда в тридцатых годах сюда привезли немало семей обживать глухую дикую окраину Сибири, служившую и раньше, и в те годы местом политической ссылки.

Хотя если сравнить по годам, то рыбы промысловики стали добывать меньше. Раньше эксплуатировали водоемы бережно. Даже простую лодку на гребях пропускали, диктуя место прохода. Сейчас катерам и баржам ничего не стоит протара-

нить вар. Вар - название рыбной поры, когда реку перегораживают неводами, цепляя за воткнутые заранее белонogi.

После варовой путины начинался облов стрежевых песков - тоже недолгая пора подъема ценной белой рыбы. В эту пору увеличивается число звеньев на Аганском, куда приходят сезонные рабочие. И все равно, как говорит ветеран рыбоучастка Дмитрий Родионович Алферьев, той рыбы, что брали до войны и после войны, не возьмешь. Мелеет Аганский. Граница с соседними районами прошла по промысловым угодьям локосян.

Высадили как-то весной рыбацкое звено на Мишкин песок, одновременно подъехали сюда из Нижневартовска. Пришлось локосовским убраться восвояси. Или на Пяку-То: три месяца просидели промысловики без дела - пуровский рыбнадзор не разрешил облавливать им принадлежащие угодья.

По весне хорошие уловы брали на Пеньксском и Лобановском Егане... Теперь сети приходят пустыми - преградила ход рыбе промышленная автомагистраль. Опять же соседнего района. Не могут выехать звенья на Куль-Еган, Летнее озеро. Как-то весной пробовали добытчики облавливать угодья на Быстринке, за тридевять земель от родного дома, взяли крупных язей, но все они пропитаны нефтью.

А живут и трудятся локосовские рыбаки еще на той базе, что возводилась руками переселенцев тридцатых годов. Как мы теперь привыкли говорить, строили на кооперативных началах, а тогда говорили - по принуждению, выплачивая стоимость материалов. Избы ставили на две половины, в них они теперь и живут - многие уже пенсионеры.

Есть в участке свои династии. К примеру, Слинкины. Отец Федор Ильич видывал всякое, что и немудрено, ведь трудные годы достались. Два сына пошли следом. Иван Федорович то за мастера, то за начальника здесь. Угодья старые и нынешние знает назубок, назовет, где какой улов ожидать.

В подсобном хозяйстве участка конеферма была солидная - 50 лошадей. Из техники - мотоневодники, мотолодки. Флот подсобляет при сенокосе.

Выше я уже упоминала о Дмитрие Родионовиче Алфереве. Они с женой одни из первых создателей поселка.

Пятьдесят с лишним лет назад привел Дмитрий в дом

молоденькую Симу. Собрались дружно за домашним столом по случаю бракосочетания Алферьевых.

Утром Симу свекровь посылала истопить баню, а муж уходил на работу. Так начиналась их семейная жизнь в хлопотах, трудах, заботах. И только теперь супруги имеют немного времени, чтобы вот так посидеть, поговорить. Немного, потому что хоть и на пенсии супруги, но хозяйством занимаются: огород, корова. Сил-то, правда, все убавляется. Домишко худой, а сил на его ремонт уже нет. Раньше же времени не было.

Очень своеобразно и метко говорит Дмитрий Родионович. Не высоким стилем, но самую суть. Дисциплина, говорит, основа основ. И словно про себя: если бы ее не было - раздал бы враг. Опять, с другой стороны, такую бы мощь да тогда - и германец нипочем.

На неводниках с гребями проводила на войну Сима мужа. Он говорит, и пошла военная круговерть в пекле переломной битвы под Сталинградом, Ростовом. И не упомнишь мест, городов, где с зенитчиками прошел солдат Алферьев. Говорят, что без хозяина дом сирота. Так оно и есть. Как Симе-то пришлось, да еще с ребятишками - как птенцы в гнезде, ждущие пищи - об этом они лишь ведают. Но не согнулись - выстояли. Да и легко ли пришлось после войны.

В 1946 году из Австрии был демобилизован. Возвращался уже в новую область, ведь до войны наш край был областью Омской.

Столько счастья принесло его возвращение в дом, но самым главным были сильные руки. В семье наступил лад да мир.

Дмитрий Родионович недолго вспоминал свое ремесло: на катер да на рыбалку. Звеньев в ту пору было много. В живорыбнице, так называет ветеран подсадок, где хранился в естественном водоеме улов, собиралось по 200 осетров, которых увозили на рыбокомбинат. Крупные нельмы, муксуны, сырки шли в сети. Каждый по стандарту, даже окунь и мохтик. Каждое кило на строгом учете. И на уху-то дадут с трудом.

Сегодняшний день Локосова более похож на городской, где превалирует рабочий класс, интеллигенция. Все более заявляет о себе кирпичный завод. Для его обслуживания в свое

время создавались участки механизации. Некоторые из детей старожилы стали кадровыми рабочими завода.

* * *

«Наедине с вечностью, навсегда с нами».

Эта строка высечена на памятнике комсомольцам, ж ^р-вам гражданской войны. Л ^ь одна Мария Петровна Кондакова, да и то со слов покойного мужа-очевидца, хорошо запомнила те сложные двадцатые годы, след от которых остался на этом могильном холмике. Памятник в старой части Локосова. Отсюда оно начиналось. С крутого красивого берега, с мыса, где некогда был тенистый кедровый парк, где построена сцена, служившая эстрадой для самодеятельных да и заезжих коллективов. Здесь было любимое место отдыха сельчан. А еще ранее, с незапамятных времен - кладбище. Но расстрелянных на берегу Крестину и Михаила Чирковых, Федора Типсина похоронили чуть поодаль, справедливо полагая, что память о них должна жить в веках.

Зеленые могильные холмики обнесены металлической изгородью. А гранитная стела взметнулась рядом. Она видна издали. Хотелось бы написать, что шли пароходы - салют героям, шли люди - земной им поклон. Но это будет неправдой: давно не ступает здесь нога человека, заросла могила травой да бурьяном. И лишь до недавнего времени в годовщину революции сюда приносили пихтовый венок, чтя память погибших.

Память. Она то и дело возвращает старую Марию Петровну в те молодые годы, когда привезли сюда ссыльных спецпереселенцев и устроили над ними настоящее надругательство. Бывало, рассказывает, заставляли на день выставлять доску-лозунг, на которой значилось, что здесь живет злейший враг советской власти. Да еще и грозились: не дай Бог, если утром этой надписи не будет. Приходилось хозяевам на ночь заносить домой ее.

Неприменно каждый должен был отмечаться в комендантуре. И горе тебе, если застукают в ночи кого-то из ссыльных. Горе тому, кто выбрал себе сердечную зазнобу из вольных. Были в то время в Локосово начальная красная школа, такое определение она получила потому, что была покрыта красной жезтью, церковь да магазин.

Потом организовали коллективное, читай, крепостное, хо-

зьяство, где Мария Петровна «с воодушевлением трудилась» на сенокосе. Как замечает, любила идти с литовкой за Карпелем Ивановичем Трифоновым, главным сельским косарем, слушать, как звенит трава, под самый под корень подкошенная. Много повидала Кондакова за свои восемьдесят с лишним лет. И жива теперь лишь ожиданием внука из армии.

* * *

Редкая рыба проплывет по некогда вольной сибирской реке. Пуст и уныл нынче пейзаж Локосова и его окрестностей.

На суше и на воде - со всех сторон подпирают Локосово техника, трубопроводы, вышки, дороги с асфальтовым и грунтовым покрытием. И факела, факела. Довелось как-то к вечернему поезду выезжать в Лангепас, так шофер сбился с дороги. Ориентиром он выбрал факел, а их, как красных флажков на волчьей охоте. С той и другой, и третьей стороны то и дело дорогу преграждали задвижки, металллом. И казалась земля израненной, избитой, до донышка начиненной железом.

Неудивительно, что глубокой зимой, когда обычно накрепко промерзают реки и речки, мы ехали с опаской. Вода предательски вздыбилась на рукотворной наледи. Еще бы! Жар сгорающего газа топит глубокие снега, как на горячей сковороде. Какая уж тут жизнь!

Замечу, что немалые штрафы предъявляются за погибель природы. Только после этого все равно, как поется в песне, на оштрафованном месте птицы не поют, деревья не растут.

Как на высохшем Арале, ветшают склады и лабазы рыбоучастка, некогда богатых аганских песков. Да и нет теперь смельчаков, готовых померяться силой со стихией. Как известно, самые ценные угодья принадлежат государству, не людям. Они-то, считай, все здесь браконьеры, то и дело норовят погубить рыбу, то бишь припасти, поймать, полакомиться.

А ведь исстари чем и жили у нас в Среднеобье, так это рыбой. Потому и селились по берегам рек, и многие завидовали тундринцам, локосянам, покурьянам: они на магистрали живут, ценная рыба под боком! Дудки теперь локосянам - не рыба. Возмутилась, похоже, и она, и сейчас все чаще рыбацкие сети приходят, как в известной сказке поэта, с тиной да травой речною.

Глава VI. НЕ ИСЧЕЗАЙ, МОЕ СЕЛО

Гудит протяжно отвальный. Затем второй, третий гудок, и пароход, тяжело ворочая лопастями, набирает скорость. Она невелика, как говорится, до 15 узлов в час, поэтому как минимум за двое суток преодолевает пароход половину пути от Тобольска до Покура.

Одна пристань сменяет другую, и неизменно, хоть в день, хоть в ночь на берегу собирается пестрая толпа. Еще бы, только летом эти места начинают связь с «большой землей». Тогда жди гостей, успевай провожать.

Проехали Сытомино, Тундрино, Алочку (Пилюгино), Сургут. Здесь самая длинная стоянка - до 12 часов. Грузят в трюмы и выгружают из них. В широких матросских брюках грузчики с седлом-подставкой на спине. Могутные из них по два-три ящика консервов навьючивают. Работают с коротким отдыхом.

И вновь отвальный: пароход идет дальше в Локосово, Верхнюю Мысовую, Покур. Здесь остановимся, потому что здесь обрывается путь нашей героини - учительницы сельской школы Анны Николаевны Рогачевой. Путь, которым прошла ее жизненная колея.

Помнит Анна Николаевна и тот, черный путь, когда их привезли в таежную глухомань, верст 50 от Покура и высадили в ледяной тиши безбрежной тайги. Где ее родители с одним топором в руках наспех мастерили жилье. Но мир не без добрых людей, и тут в далекой глуши пришли на помощь жители, призыв Аню и ее мать. Может, благодаря извечной человеческой солидарности и выжила семья Рогачевых. Хотя, как говорил поэт, «сгибнуть ничто не мешало ему». Зрелище смерти - печали рано коснулось детской души Ани. Стоит и стоит в глазах немая сцена прощания матери с умершим дитя. Тогда в Тобольске на деревянном причале молодая женщина оставляла крохотное детское тельце. Грозный окрик стража загнал в трюм пассажирку, обезумевшую от горя. Она махала, будто бы живому, дитю своему.

И сколько потом ни приезжала в Тобольск Анна Николаевна, она все время вспоминала эту картину. Отец ее, как и его товарищи по несчастью, высланные «кулацкие семьи», срубили в первый же год нехитрое жилье и нарекли тот поселок

Погорельском. Туда, по причине мелководья, пароход не доходил. Добирались кто на чем сможет. Но тут кипела жизнь в колхозах Вахлова, Погорельска, Пасола. Теперь нет их, исчезли. Нет и Покура. Впрочем, село-то доживает свой век, забытое богом и людьми, но уже в составе соседнего с нами Нижневартовского района.

В Покур Анна Николаевна приехала по распределению вуза учителем биологии. К ней и родители перебрались, купили домик и зажили все вместе. Уж радости-то было у них. Еще бы! Их Аня, на долю которой выпало немало невзгод, теперь твердо стоит в жизни. Занята любимым делом. Она всегда с душой и желанием приходила в школу. А когда заканчивалась последняя четверть, Рогачева не уезжала. С ней оставались и школьники. Тем давним ее ученикам уж полсотни стукнуло, а все помнят уроки учителя биологии, для которого школа стала и домом, и семьей, и курортом, и санаторием.

Расчудесный огород, так сказать, пришкольный участок развели преподаватель и ее питомцы в Покуре. Наливались кочаны капустные, зеленели хвостики моркови и свеклы, цвела картошка. Как говаривал поэт, пусть работают дети в саду, приучаются к труду. Это первое, второе - из практики узнают, как растут овощи, какого ухода и догляда требуют. Из-за того огорода редко куда-то уезжала Анна Николаевна. А ведь могла. Как известно, отпуск у педагогов здесь ой-е-ей какой - 60 рабочих дней, без выходных и праздников. Летом, скажем, нельзя - бери зимой, как делают многие. Но и тогда не уезжала Рогачева.

Так шли-летели годы. Выпорхнув из школы, разлетались ее питомцы. Приходили новые, дети ее первых учеников. Словом, жизнь есть жизнь. И прочными корнями она повязала здесь Анну Николаевну. Так что изредка возникавший в доме разговор о том, что подумать надо Анне о будущем, где придется ей доживать, она гасила мгновенно. «Куда мне, папа, здесь моя жизнь! Сюда приехала навсегда». Был определенный резон в ее аргументах, ведь она стала частью тех людей, с которыми жила бок о бок. Их она знала, и они ее.

Была Анна Николаевна педагогом в этой школе, потом стала ее пенсионером. По привычке еще бежала на пришкольный участок, который год от года приходил в запустение. Не

от нерадивости школьников, в это Анна Николаевна никогда не верила. От нерадивости взрослых, которым «торчать» в огороде вдруг сделалось недосуг. Временщица поселилась в школе, потому что лишь прозвенит последний звонок - и биолога поминай как звали.

Легко ли глядеть на дело рук своих, которое зарастает крапивой да чертополохом. Все больше он прорастает в душах и сердцах людей. Передача Покура в новое административное подчинение - результат безразличия к судьбам людским, той же сердечной глухоты и черствости. Когда отдавали территорию - трудно сказать, из чего исходили. А про людей, как в чеховском «Вишневом саду» начисто забыли. Осталась Анна Николаевна, как говорится, не у чего. Те, кто помоложе да посмекалистее, в Сургут перебрались, ветераны разъехались, кто здесь получил жилье, кто в Нижневартовске.

Тогда-то и она вспомнила нехитрый отцов совет - вступить где-то в кооператив, подсобрав деньжонок. И писать начала теперь уже в Нижневартовск. Одно письмо отправила, другое. Думаете, кто-то проникся ее заботами? Ничуть. Да и кому теперь что может сказать ее имя, простого педагога Анны Николаевны Рогачевой. Разве дойдут до нее руки? Ведь там она чужая. Да и здесь не своя: Покур-то передан, как говорилось выше, в июне 1976 года Нижневартовску.

Горько жаловалась на судьбу своей бывшей ученице Римме Кузнецовой, уже более 30 лет не навещавшей отроческие места. «Корову вот держу, хоть сил и мочи нету. А что делать-то, говорит, в магазинах пустые полки, на ферме тоже молока не густо, а я уж в таком возрасте, что без него не обойтись».

Но более всего угнетает женщину тенденция к запустению, к исчезновению села. Признаки его не только в заросших огородах и безжизненной все лето школе. Куда ни кинь взор - всюду беда, с которой не может смириться. Помнит, сколько рыбы привозили промысловики в неводниках, сколько на горбу льда перетаскали, соли. Отменную продукцию поставлял Покурский рыбоучасток. В пору, когда в ходу были гребки, и в пору, когда техника пришла на помощь. Но потом посчитали, что не нужен селу рыбцех, свернули его. А теперь, как говорят местные жители, по Покурскому, Ермаковскому Егану белая вода идет. Земснаряды перелопатили веками наслаивавшийся

грунт Кулугана, где рыбных запасов было не счесть. А в весеннюю пору старожилы поднимались до Ивана Степановича речки и промышляли там, собирали ягоды, шишковали. Все пошло под снос в наши дни, а ранее просто забросили Лунгусейский песок, где во-от такие гуляли осетры, нельма, муксун.

Выйдет теперь любитель, рыбак в прошлом, их немало в Покуре, поставит удочку, как полагается, с наживкой. Ждет-ждет, вытащит, глянет и сердце захолонет. К наживке-то никто не прикоснулся: нет рыбы, извели ее перебаламученной белой водой, уничтожили среду обитания.

Славное, большое село Покур теперь пришло в запустение. Покосились плетни и заборы, в сплошные ямы превратились дороги. Не визжат пилы, не стучат топоры. Запустение и на полях, хоть сажают картошку, да собирают, как говорится, меньше, чем семян было. Не осталось следов и от зверофермы. А о том, что когда-то здешние поля родили капусту, огурцы, прочие овощи, многие и не знают.

Когда-то Покурский Совет, говорит Рогачева, был одним из крупных в районе. А как начались административные передряги, потихоньку исчезли Пасол, Вахлово, Погорельск, где стояла срубленная ее родителем изба. Теперь и до Покура доходит очередь. Скорых перемен не предвидится, потому что и последние старожилы норовят убраться отсюда всеми правдами - неправдами. Может, кому-то покажется наивным мое предложение, но думаю, многие сельчане его поддержат, размышляет Анна Николаевна, вернуть бы Покур в подчинение Сургутского района. Здесь он пустил свои корни, молодые побеги, сюда переселилось большинство покурян.

Ошибки прошлого мстят будущему. И кто его знает, какой еще бедой отзовется необоснованное отторжение сел, постоянное перекраивание карты. Это ведь, как говорится, ножом по живому. Рушатся установившиеся связи, сферы деятельности. Это как дерево с подрубленными корнями. Стоит вроде невредимое, а сохнет, воздев к небу заломленные «руки».

По весне мчится в Покур «Метеор». Судно скоростное, без гудков. Но большинство пассажиров остается в Локосово. Здесь же и садится много на обратном пути. Из Покура и в Покур едут единицы. Выходят на кое-как пришвартованный дебаркадер. Случись непогода, трая сползает в реку, и он там

может торчать сутки-двое. Тревожный симптом без различия, равнодушного отношения к судьбе старинного села.

Таким же образом отрезаны от нас Аган, Барь-Еган, Новоаганск и еще ряд населенных пунктов. Поговаривают, что Нефтеюганск на Угут нацелился, Когалым - на Русскинские. Говорят, может быть, слухи. Но они не беспочвенны и доказательство тому - история села Покур и иже с ним.

Когда-то словно бусинки, нанизанные на голубую артерию Оби, скатились в небытие деревни Пасол, Вахлово, Погорельск, Кирьяс, Изголовь. До сих пор в Сургуте благополучно работают, нередко на командных должностях, люди, что с восхитительной легкостью подмахнули решение обкорнать землю прадедов.

Недавно вновь, говоря словами поэта, я посетила тот уголок земли - Покурский Совет. Старожилы, ветераны Великой Отечественной войны с одобрением рассказывали, что возвращают к жизни пашню в Погорельске и Пасоле.

Проехали, посмотрели, поговорили. Действительно, в бывшем Погорельске, именуемом Курьей, расположилось подсобное хозяйство управления Мегионнефтегазгеологии. Построены теплицы, фермы - не так уж много, а денег вбухали шесть миллионов (в ценах 80-х годов). Понятно, что вся эта сумма войдет в стоимость продукции. Не узнала я и землю, вытуженную тракторами и крупногабаритной техникой, развеявшей тонкий плодородный слой почвы. Такое же скопление механизмов и в Пасоле, где исстари, кроме обода на телеге да граблей и косилок железа-то не было.

Словом, по всей магистрали таежных речек вглубь от Покура разор и запустение, выведенные из оборота старые пашни, сожженный и вырубленный лес, который веками помогал в жизни остяков-аборигенов. Теперь остались одни лишь воспоминания.

Глава VII. ПАСОЛ

Высокий берег. Заросший крапивой да раскидистой лапчатой бузиной. Тихо-тихо. Только легкий ветерок бесшумно пробегает по густым травам. Густым, изобильным, отмирающим год за годом, исподволь поднимающим высокий берег таежной, по весне полноводной речки Пасол. Кто-то, сейчас

трудно установить, потому что тихо и пусто кругом, лишь на дальнем взгорке сверкает железная кладбищенская ограда да покосившиеся кресты на могильных холмиках, свидетельствующих о былой жизни здесь, где ныне всю хозяйничают промысловики нефти, - облюбывал этот берег. Вернее - мыс, который с трех сторон окружен водой, а с четвертой стоит густой кедровый бор, вытянувшийся на много верст, подковой опоясывающий жилие.

На небольшой всхолмленной полоске стала деревня, в которую и приехали мои родители-молодожены. Мама - Любовь Николаевна была из большой семьи, которая, спасаясь от гражданской войны, схоронилась в этом остяцком крае, где вполне можно было затеряться. Что и сделал дед Николай Алексеевич. Там родились их дети - моя старшая сестра, я. Потом послевоенные Валентина и Нина, а братья появились уж в другой, тоже исчезнувшей сейчас деревне.

Папа был один сын у родителей, да и то приемный, из разоренной семьи священника - отца Якова Грязнова. Рассказывают, что родители сами хотели выбрать ему невесту. По этой причине возникали в доме ссоры. Сын с отцом все расходились, деля недвижимое. Володя шел тогда из-за ссор с обидой на родителя. И уж совсем отец вышел из себя, когда сын подарил своей невесте Любе суперик - золотое колечко с аметистовым камнем. Я помню его потому, что давала играть своей дочери, внучке убитого моего отца. Оно было распилено, потому что материнские руки от постоянной работы стали толстыми да узловатыми. Так и закатила дочь куда-то это колечко.

Встретил тогда Яков Яковлевич свою будущую невестку и упал на колени со словами: «Ты уж, Люба, Володе-то колечко отдай». Она и сняла его с руки, в смущении ушла, а он все кланялся и благодарил.

Тогда у отца с сыном крупная размолвка получилась. И как не упирался дед, а пришлось-таки ему засылать сватов. К слову, невестку они потом не обидели, наоборот, старались приструнить своего сыночка, который был грех, засматривался на сторону и по ночам, случалось, уходил от молодой жены. Правда, мама потом постоянно только хорошим словом его вспоминала, а ведь прожили они даже менее пяти лет. Сем-

надцать лет потом она жила с другим, но бабушку, как говорят, «докормила до смерти» и схоронила осенью 1954 года.

И теперь я часто, как к чему-то родному и близкому, наезжаю в эти края, где лишь память держит в сознании, что было здесь доброе, хоть и маленькое село. Вернее, деревня Пасол, а в ней колхоз «Путь Сталина».

Год за годом пустела деревня моего детства, уезжали люди и на магистраль, ближе к Оби, связывающей таежную северную глухомань со всем миром. А когда упразднили колхозы, и вовсе никого не осталось. Сослали людей в совхоз Покурский, жители Пасола невольно-богомольно тоже стали его членами. Только жить переехали на Вату, что в тридцати верстах от центральной усадьбы.

Ничего и никого не осталось в Пасоле, где посредине, на плодородных и политых потом и кровью пашнях, стоит разбуренная буровая с надписью «законсервировано». Рассказывают, что геологи некоторое время работали здесь и окрестили нашу деревню Баграсом. И мало кто теперь из новых хозяев - из Нижневартовска - знает, что здесь были Вахлово, Погорельск, Пасол. Но я стараюсь все же когда-никогда навестить свои края.

Мой отчим, которого мы в последнее время неизменно величали дедом, собираясь в пасольскую «экспедицию», непременно заметит, мол, возьми с собой документ, если останутся, так можно хоть сказать, что корреспондент за материалом едет.

...Вот и последний поворот, где каждый кустик до боли знаком. Сколько за семь лет - за время учебы в соседнем Погорельском, проехала, прошла, прокатилась я по этой речке! Где до сих пор остались следы давних занятий пасольских жителей-рыбаков: утыканный белоногами берег, искусственно создаваемая преграда для рыбных косяков. Рыбачили здесь обычно в варовую пору, в середине лета, когда отнерестившаяся рыба нагуливала жир и бывала самой вкусной.

Ох и нелегким был в ту пору рыбацкий труд, как, впрочем, и сейчас. Но сейчас пришла на помощь механизация. А тогда: попробуй перегороди без малого стометровую ширину речки, да так, чтобы запруда держала невод. Ставили обычно таловые стволы, а те, попав в илистую почву, обильно омыва-

емые водой, распускались. Интересное, привлекательное это было зрелище: словно брели по полой воде деревья, склоняясь под ветром, шелестели и шумели. Переговаривался в их кронах буйный и чистый северный ветер.

Юркая шлюпка на полной скорости вылетает из-за поворота и причаливает к поросшему крапивой берегу, отмеченному следами пребывания покорителей земных недр. На самом берегу валяются мешки с цементом, куски брошенной проволоки и каких-то деталей. Экспедиция побывала здесь где-то в конце шестидесятых - начале семидесятых годов, когда еще некоторые старожилы оставались в деревне.

Поредел и поскучнел вечнозеленый кедровник, кедровый бор, где в пору моего детства мы с бабкой Акулиной Ильиничной нередко находили гнезда боровой дичи, душистую княженику, когда собирали вязанки хвороста. Удивительно: лесу кругом было - завались, и во дворах у каждого стояли внушительные поленницы дров, а вот не трогали их, берегли на суровую долгую зиму. Нехитрый же обед и ужин в летнюю пору неизменно готовили, используя для топки собранный сушняк, отжившие сучья и стволы.

Втайне я все мечтала: вот вырасту, непременно очищу лес от гнилушек и трухлявых пней, чтоб был он чист, чтоб под ногами не путались сухостоины.

Изгибаясь, лесной массив уходит на другой остров - «Остяцкий», получивший свое название потому, что некогда здесь было казание ханты. Туда нас не пускали, пугая остяками. Теперь-то я понимаю, что родители и баба с дедом боялись, что, уйдя далеко от дома, мы непременно заблудимся, что и немудрено, ведь с тайгой шутки плохи.

Сплошная лесная стена на изгибе этой подковы вроде становится ниже, ниже. Только эта ступенька и напоминает, что некогда на этом месте было колхозное поле «плоха», как его величали сельчане. Здесь в лихие военные и послевоенные годы старили перевесы на боровую дичь, в которые иногда попадались и утки, летевшие на озеро, что вплотную подходило к берегу.

Вот этот участок и раскорчевали женщины-колхозницы. Без машин и механизмов, с одним только газогенераторным трактором отвоевали кусочек тайги. Для того, чтобы потом

здесь все быльем поросло. Руки молодых вдов, старух и девчонок летом напоминали растрескавшуюся землю-такыр, выжженную на солнце. Но когда там было время смотреть за руками, если работы невпроворот.

На другом конце бывшей деревни, где течет Михалевская протока, - кладбище. На нем посеревший от времени, дождей, непогоды деревянный столбик с подгнившей звездой и покосившейся оградкой. На столбике вырезано - Спиридонов И.Е. - это бывший колхозный председатель. Ванюшкой все его величали, немало ярких подробностей его жизни хранит моя память.

В то утро председателя на деревенской улице не видели, не появился он и на следующий день. Было это так непривычно, ведь казалось, что он вездесущ. Бывало, копают бабы картошку, при белых мухах. Зябко и холодно в поле, но уйти нельзя. Разожгут они костер, бросят картошку в огонь, а сами опять к ведру да лопате. Как покажется, что испеклись печенки, посылают Парасковью Филатову за ними.

Выкатит она их, точно уголья, сложит в подол и несет бабам. Вот в такое-то время и вылез Ванюшка с межи, Парасковья так и онемела. Стоит как вкопанная, а печенки-то летят на землю, прожигая подол. Ввечеру он держал обычно путь на конный двор, там конюшила молодея девка Аксинья. Наружностью ладная собой, но гундосая. За это парни отворачивались от нее, и она сама стеснялась этого своего недостатка.

Но Ванюшке в темноте было все равно, он и наладил ей брюхо. Одно, второе да потом третье. У самого-то было семеро по лавкам, но и тут еще настрогал. Правда, помогал он Аксинье все время. Не к одной вдове подкатывался председатель. Захаживал он и в наш дом, ухаживая за мамой.

Может, благодаря этой его благосклонности и появилась у нас кое-какая одежонка: как-то привез атласный отрез да белую кофточку. Мама настойчиво просила его поцеловать. Я исполнила ее просьбу, а старшая сестра уперлась и ни в какую. Да так вот осечка тут у него произошла. Но он все же сумел отыгаться, когда из Погорельска везли веялку, то на раскате она кувыркнулась в снег, и колеса рассыпались. Полевому Кондряковой, вдове с двумя девками да свекровью на

руках поставили на счет, и она выплатила эти две тысячи, стоимость колеса.

В утро того дня понеслась по деревне весть, мол, захворал Ванюшка. Его дочь Зоя, крупная девушка с большими, недевичьими руками и ногами, которые ей каждый раз хотелось спрятать, эту весть подтвердила. Лицо ее тоже было крупным, круглым, рассеченным пополам широким с горбинкой носом. А волосы были пепельные, вьющиеся, нежные, она как-то небрежно их смахивала со лба, а они, непокорные, вновь развевались, прикрывая скуластое загорелое лицо.

Причина болезни и председателя обнаружилась быстро, не зря ведь говорят, что от людей на деревне не спрячешься. А тут все же такая фигура - председатель колхоза. Любил Иван Евгеньевич быструю езду, специально для этих целей держал выездную лошадь. Да и кошева председательская тоже имела. Ехал он тогда из Погорельска. Гора там крутая, раскатистая. Не удержал он своего Серка, и тот понесся так, что задние ноги опережали передние. Разлетелась кошева: подкованные полозья только скрипнули, переезжая седока.

Почувствовав острую режущую боль, Иван Евгеньевич не сразу поднялся, а когда встал на ноги, то тело словно в огне горело, и с каждым шагом его пронзала нечеловеческая боль.

Почуввав неладное, Серко остановился у выезда на озеро и терпеливо поджидал хозяина. Тот со стоном опустился на некоторое теперь подобие саней-кошевы. И доехал почти в бессознательном состоянии. На конном дворе лошадь увидела уже Зоя. А Динушка, сухопарая, исхудавшая жена его, отхаживала мужа, приготовив травяные снадобья. Их хранили в деревне на самом верху избы, готовили много и любую хворь пользовали этими травами.

Только через три дня пришел Иван Евгеньевич в контору. Все еще хворый, ведь при падении он сломал себе ребро. Но разнарядку давал сам. В то время по утрам еще затемно дворы обегал бригадир, стукнув в окошко, говорил: «Ты, Николаевна, сегодня за сеном».

И деревня-то была невеликой, и людей в ней - старики, старухи да вдовицы молодые и дети, а хозяйство держали в порядке. Несколько гектаров пашни насчитывалось, овощные поля, стадо из коров, лошадей, овец да молодняка. Рыбу про-

мышляли. Да еще у каждого дома свое подворье, которое один Бог ведает как удавалось содержать в порядке. Ведь все с утра, да почти без выходных шли на барское, то бишь колхозное поле. Себе-то оставалась только ночь. И сено себе ставили после того, как приготовят общему стаду.

А денег за это все же ни у кого не было. Паспортов тоже не имели. Ну просто рабы или крепостные работали в колхозах. Потому, когда наш отец скомандовал маме собирать узлы, де, мол, мы уезжаем, ее обуял такой страх, который она помнила до самой своей смерти.

Но, вспоминала, уехали и ничего, никто не возвратил нас назад. Но и в другом месте, на отшибе, не легче далась доля, одно хоть послабление вышло, что от колхозной работы она избавилась, потому что, как говорится, что ни год, то в семье был приплод. Есть-пить что было, а послать студентке, которой я стала в 1954 году, было решительно нечего. И я до сих пор помню, как приходилось почти три недели в месяц буквально, что называется, сосать лапу.

Семью Ивана Евгеньевича Спиридонова не обошла война, отправили они на фронт Николая, дома остался один Евграф, попросту величаемый в деревне Грашкой, кое-кто, насмехаясь над ним, прозывал его Графом. Да три дочери: Лида, Нина и младшенькая Зоя. Может, по причине глухоты да еще и потому, что кому-то надо было править артелью, остался, вернее, оставили Спиридонова в Пасоле.

Он да несколько стариков, среди которых были Яков Яковлевич Кондряков, Иван Петрович Кошелев, Ефим Пахомович Лейтманов да Миша-Полтинничек, прозванный так за круглые и огромные глаза свои, составляли все мужское население Пасола. В женах за Мишей-Полтинничком была сестра Ванюшки Мария. Еще одну сестру Олимпиаду Евгеньевну, величаемую попросту Липой, он привез сам. Собрал всех к одному шалашу.

Трудно и бедно жила семья тети Липы Вяловой. Ребятишек трое и все мал мала меньше, а туда же - кто рыбачить, кто копны возить. Поблажек родне Иван Евгеньевич не делал, разве что еще строже предьявлял им счета. Оставшаяся одна в живых, старшая из Вяловых Александра, которую кликали неизменно Шуркой Вяловой, сейчас на пенсии, живет в Сытоми-

но. Юрий умер в ранней молодости от столбняка, а Анатолий, удачливый и везучий рыбак, недавно приказал долго жить, оставив взрослых дочерей да сына.

* * *

Тихо и темно в деревне. Лишь кое-где в одном окошке скупно блеснет огонек. Так засветится высушенная березовая лучина. При этом свете хозяйка щипает лучину, переломит потом пучок надвое и в печь. Прогорит лучина, займется огнем дровяная кладка. Зашумит, запрыгает весело огонь в русской печи. Приставив к нему чугунок с варевом, идет она топить железную печурку. Она тепло отдает мгновенно, но тут же и остывает, как только прогорят дрова. Но к той поре разольет жар по всей своей массе русская печь. Тепла добавит и снесь переварит. Закроют задвижку - весь жар в кирпичи. До следующего утра.

Затемно поднялась Акулина Ильинична, вслед за ней - мама, молодая хозяйка. Почувяв тепло, вскакиваю и я. При отблеске печного огня или ненадолго зажженной лампы беру книжку, присланную учительницей из соседнего Погорельска, в Пасоле-то по причине малого числа детей школы нет, и начинаю читать по буквам. Не понимаю и прошу маму перевести прочитанное. Та, взяв в руки тулуп, просит прочитать еще раз и складывает из букв слово. Стараюсь задержать ее подольше. Конечно, можно бы учиться с бабушкой, но она неграмотная. Дедушка тоже, всего-то и научился он за свою жизнь, что ставить три начальные буквы, свое факсимиле: Т.Н.А., что означало Ткачев Николай Алексеевич.

Задолго до рассвета шла мама на конный двор. Впрягала с Зоей Спиридоновой на пару по пять и больше лошадей и ехала за сеном для колхозного скота. Как привычно говорили они, седлали коней и делали два оборота, это если стога стояли сравнительно недалеко. Чаще уезжали на целый день к дальним покосам. Вот и собирались затемно в путь, взяв с собой несколько сухарей, чтобы заморить червячка. В лютую стужу что сохранишь в дороге. Костер бы разжечь, да недосуг. Чем больше сделаешь, тем больше трудодней начислят, на которые хоть что-то давали натуроплатой, но все равно это был почти бесплатный труд.

Едут молодые женщины, закутавшись в тулуп. Подмерз-

ли - соскочили с воза и бегут за лошадкой. Можно бы и поторопить повозку, но груженная она основательно. Набивали сена под деревянный ствол из тонкого дерева - бастрик, выше человеческого роста. И все это делали женщины. Стояли у сенных ометов невыпряженные лошади, подкармливались после долгого пути. И возницы тоже бежали домой подкрепиться, чтобы сразу пуститься в обратный путь.

И тот же вездесущий Ванюшка успевал, как Фигаро, то здесь, то там и дотошно докапывался до каждой мелочи. На молоканку сходит и, как старосветские помещики, ничего не значащими фразами обмолвится, а то и в обласок (долбленая из одного ствола лодка) сядет и к рыбакам наладится. Гребет сразу к Ивану Петровичу, бессменному старшине рыбацких звеньев. Видный был мужчина Иван Кошелев, известный сердцеед, пятерых жен за свою жизнь сменил, пока не взял в дом Марию Кузьмовну. Всегда задиристый и нескладный в доме, он как-то присмирел при ней, и зажили они душа в душу, не смотря, что в приданое ей он принес двух своих сыновей.

Во всей деревне один Иван Кошелев слыл медвежатником, ходил он на хозяина тайги с рогатиной. К нему, бывало, обращались сельчане с просьбой, если уж очень наседали и безбожно драл скотину косолапый. Собирался тогда Иван Петрович выслеживать медведя, отливал специальные пули, ведь дробь для мишки, как тому слону, лишь оцарапает.

И рыбацкое счастье не обходило его стороной, как, впрочем, и мужское... Хотя здесь, на рыбалке, он чаще одет был в неказистые одежды: брезентуху да ноговицы - самодельно изготовленную обувь. Кожи для нее готовили сами. Выделявали, дубили, смолили, а потом шили без модельных колодок, лишь бы нога входила, да вода не протекала... Приезд председателя в звено - дело обычное и воспринимается буднично. Рыбаки только что закинули тень, разбились на берегу, разбрелись. Один стоит на пяте, другие тянут невод к вороту.

- Поха-ха-живай, - кричит пятовому Иван, и гулкое эхо отзывается: поха-ха-жи-вай-вай-вай. Это сигнал Андрею Доржинову. Он начинает медленно, словно маятник, ходить направо-налево, водить невод, чтоб зачерпнуть богатый улов. Наконец, бригадир дает новую команду, и рыбаки, словно в один узел, начинают сводить невод. Берут под уздцы коня,

воротом выбирают полотно, переваливая в неводник мотню - так называется мешок, доверху наполненный серебристой речной рыбой.

* * *

Андрей Доржинов, Антон Мондрунов, Дмитрий Китидов, Исая Тапкинов - не столь привычные для севера имена. Они переселенцы, высланные из степей Калмыкии. Расползся, проник еще до их приезда слух, мол, привезут предателей Родины, изменивших стране и народу. А привезли чернокожих женщин с мал мала меньше детьми. Один-единственный мужчина был среди них и звали его дядей Сережей Джамбеевым. Худ и желт был он, по виду глубокий старик, хстя прикинуть и вычислить его возраст не составляло труда: молодая дочь его Варвара, девица на выданье, едва до двадцати дотягивала.

Вот так и влились в пасольский колхоз калмыки, десятка два семей. Семей без главы, без мужчины: кто полег на полях сражений, а кого и угнали на лесоповал. О них переселенцы почти не говорили: запретной считалась тема. И деревенских жителей приучали считать как данность: изначально такими были калмыцкие семьи.

Старики, женщины да подростки смастерили на краю деревни в вырубленном пихтаче два тесных барака. В них за занавесками расквартировались семьи Китидовых, Зунгруевых, Доржиновых, Мондруновых. Кое-как с зеленым чаем, да, как говорится, милостью божьей перебились, перезимовали новые жители деревни. Дядя Сережа Джамбеев взялся в ту весну рубить отдельный дом. К слову сказать, делал он это отнюдь не умело. Это и понятно, ведь жили калмыки на родине в глинобитных да войлочных юртах, защищавших их от степного ветра. Тут в ней спасения не найдешь.

Вот и тюкал старик топором, и сельчане в беде его не оставили. Помогли, так что к предзимним холодам «залезли» Джамбеевы - Сергей с дочерью Варварой, в свою впервые выстроенную избушку.

Все для них, переселенцев из Калмыкии, здесь было внове. Строить и хозяйствовать, вести оседлый образ жизни, привыкать к жестоким морозам. Им предстояло разделить с нами жизнь, быт, досуг, отдых. Последнего было так мало. В страд-

ную пору, может быть, только несмышлениши с нянкой бабушкой оставались в деревне.

Под ее досмотром со своим пайком все лето в деревне работали ясли, размещавшиеся в колхозной конторе. Для грудничков ставили люльки, а матери, бежавшие на обед, заскакивали сюда, чтобы покормить их грудью. В перерыве же младенцы с удовольствием жевали хлебную жвачку (мякиш с сахаром). Те же, что постарше, шести-семи-восемью лет непременно уезжали на покос возить копны или оставались на хозяйстве, пропалывать в поле сорняки.

Дружно живем с Кавой Багульдиновым, в шутку нареченным моим женихом. С Енчей и Ольгой Китидовыми. Но все нет мира с Антоном Мондруновым, он то и дело задирает, петухом налетает. Горячих кровей парнишка. Снисходительно относятся старшие Борис Зунгруев, Андрей Доржинов и степенный Исай Тагкинов. Играем вечером в лапту, кто смотрит, а если взяли в команду - стараешься изо всех сил.

Зунгруев потом женился и многих детей завел, Исай же, как говорили в деревне, обманул Варвару Джамбееву, а женился на другой. Варвара с отцом растили потом внебрачную дочь.

* * *

В самый разгар войны в наших краях появились калмыки, целая колония посланцев южных степей. Насильно вывезенные с родины, с необычайно черным для северян загаром, калмыки расселились в местах, определенных спецкомендатурой. Большая группа их направлялась на лесозаготовки. Многие впоследствии не смогли адаптироваться в северных условиях и никогда больше не увидели родины.

Многие со временем пообвыкли. С малых лет помню своих новых сверстников: Енчу Китидова, Каву Багульдинова, Андрея Доржинова. Черноглазые оборвыши, лихие наездники, отличные скотоводы. Испепеляющая жара отпечаталась на их лицах, которые год от году «отмывались» на северном снежном ветру. Жили в бараках, срубленных наспех, учились высаживать рассаду. Возможно, не без умысла втыкали ее кроной в землю. Не брали в руки лошадиной упряжки, боялись воды и не умели ловить рыбу.

Первые годы были для них трудным экзаменом. Дикий

холод леденил душу и сердце, что никак не хотело мириться с реальностью. Может, от того злость и ненависть их прорывались наружу. Но колхозники относились к их поведению с пониманием, радушно. Поддерживали, чем могли. К примеру, Настя Доржинова после трудного колхозного дня помогала бабушке копать огород за сытный ужин.

И мы, мало что понимавшие, старались поделиться куском с черноглазым своим сверстником.

Мы от души радовались, когда молодожены Зунгруевы ставили первый дом. Помочь им приходила вся деревня. И вообще как-то незаметно стерлась грань между людьми здешними и приезжими. И когда в конце пятидесятых калмыки возвращались домой, прощались с ними, как с родными. Переписывались потом долго, кое-кто даже навестил своих друзей в степной Калмыкии. В наших краях от того переселения остались единицы да и только те, кто женился на русских.

* * *

Долгими зимними вечерами в глухой деревушке собирались сельчане в самый большой пятистенный дом. Здесь жили эвакуированные из Ленинграда Магда Александровна Краух со своей еще юной племянницей. Миловидной и привлекательной, несмотря на тяжкие испытания, выпавшие на их долю.

Тихо-тихо ведет рассказ старая женщина о блокадном Ленинграде, о том, что смерть подстерегала там каждого. И каждый делился друг с другом последним куском хлеба. По ладожской дороге жизни выехали они с Верочкой. Магда Александровна уже была в солидном возрасте и объеме и не работала, зато хлопотала по дому в ожидании единственной оставшейся у нее на всем белом свете племянницы Верочки.

После долгой дороги Краухи прибыли, наконец, в Покур, где их и нашел председатель пасольского колхоза «Путь Сталина» Иван Евгеньевич Спиридонов. Колхозу остро был нужен счетовод, который ныне именуется бухгалтером. Счетоводом и приехала в Пасол Верочка Краух.

Поселили приехавших в колхозную контору. Дали работу. Сидела Вера, считала от зари до зари, ходила, обмеряла поля, обсчитывала урожайность. Начисляла трудовые, на них раскидывала натуроплату и заработок, что выдавался по концу отчетного года. Ох и гулянка по этому поводу была в дерев-

не! Чего только не пекли, стряпали, жарили к столу. И на эту фиесту приходили все от мала до велика.

Хотя в колхозах военного и послевоенного времени, как теперь бы сказали, работали не за деньги, за совесть. Впрочем, и тогда материальный стимул не сбрасывался со счета.

Так и прожили три военных года эвакуированные жители Ленинграда в Пасоле. Чуть осмотревшись, попросились на квартиру к молодой вдове с двумя детьми, то есть к моей маме. Магда Александровна все тогда говорила, что в жизни ей везло на хороших людей. Вот и тут, в заснеженной деревушке, они нашли приют и участие в своей судьбе. Да и сами помогли колхозу, помогли пережить военное лихолетье.

Лишь отгремели последние залпы, они пустились в обратный путь.

* * *

В будущей книге о расстрелянных первую страницу должны бы открыть служители культа. С них начались массовые репрессии, они разделили горькую участь святой русской православной церкви. Об одном из них, моем дедушке, Якове Грязнове из Пасола этот рассказ.

Серпом по живому прошла революция, обездолив детей, да и взрослых, тех, кто остался в живых. Но брат пошел на брата, сын на отца. В итоге этой бойни появилась армия беспризорников, целая колония будущих хамов, не признающих, не помнящих родства, не имеющих и не берегущих честь и имя свое.

Это их беда, ведь с неугодными да неудобными разговор был короток. Даже пуля не требовалась. Прорубь была ведь рядом. Скольких потопили!

Эта же участь постигла и святого отца Якова. Схватили его, привели под улюлюканье революционных масс. Насмехались да издевались, вопрошая: «Ну ты, поп, за царя или за Советскую власть?»

Недаром говорят, что вид крови, страданий возбуждает в толпе зверя. Но как быть с известной истиной - лежачего не бьют? Отец Яков хоть и не лежачий был, но все же один оказался среди ревнителей нового порядка. И сказать бы ему то, что от него ждали. Но не смог, честь и достоинство не позволили. «За царя!» - отчеканил, чем и подписал себе приговор.

Утопили батюшку, а попадья потом скончалась. Бывшая в услужении девчонка Шурочка навсегда запомнила эту кроткую добродушную женщину, мать шестерых детей. Младшему из них едва исполнился год. Была Шуре попадья вместо матери. И вдруг круто изменился порядок вещей. Словно железным кованым сапогом пригвоздили к земле поповскую семью.

Матушка Софья слегла надолго и тихо умирала. Не в 60-70 лет, от роду-то ей было немногим более 30, когда разверзся мир, и пробил ее последний час.

- Шура, Шурочка, заведи на завтра квашню побольше. Много у нас народу будет, - тихо говорила попадья.

Девочка так и сделала, недоумевая однако: вроде день будний, к чему стряпня большая? Проснулась ранешенько, а уж в доме люди, все в черном одеянии, с заплаканными лицами. Кинулась в спальню, а там и зеркала занавешены. Поняла девчонка всю неотвратимость происшедшего, запричитала, заплакала, ведь впервые на нее дохнуло смертью.

Потом смерть стала привычной. Но сейчас Шура безутешно рыдала, оплакивая близкого ей человека.

Осталось в поповском доме шестеро ребятишек, шестеро сиротинок мал мала меньше. Проявить бы к ним милосердие, да немилосердным было начало двадцатых годов - отрезок, вошедший в историю страны, нашего края, в частности, как время беспощадной расправы не только с церковью, но и ее служителями. Как песчинки по ветру, раскидало-разбросало суровое время детей-сирот. Двое исчезли бесследно, четверо тоже разъехались кто куда.

Одна из старших дочерей, Нина Грязнова, в Погорельской школе скребла, мыла, всю черновую работу на нее взвалили. Шлз печи топить, вечером колоть да дрова носить. На этой работе и руки лишилась: тогда не нашли иного способа извлечь иглу-занозу - отрезали руку выше локтя. Осталась молодая девчонка на всю жизнь калекой без правой руки. Навсегда главной в ее наряде стала шаль, вначале клетчатая, потом однотонная с каймой, которой она прикрывала свой изъян. Однако в совершенстве научилась орудовать левой, не уступая в проворстве здоровым сверстницам.

Двух меньшеньких поповских детей усыновили бездетные сельские жители. Так появилась дочь у Князевых из Поку-

ра, получившая новую фамилию и отчество, из Александры Яковлевны Грязновой превратившись в Александру Дмитриевну Князеву. Брату ее Владимиру отчество менять не пришлось, только фамилию.

Власть, провозгласившая на словах лозунг, что сын за отца не отвечает, на деле поступала по-другому. Поселившиеся в новых семьях сыновья слугителя культа отца Якова Грязнова отстранялись, как антисоветские элементы, от службы в армии. Только Великая Отечественная внесла свои коррективы: невзирая на поповское происхождение, призвали Владимира на защиту Отечества.

У того уже своя семья была, двое девчонок-погодков да жена молодая - третьим на сносях. Плакал, прощаясь, бедный отец, усадив девчонок на колени. - «Вырастите без меня. Не видать мне вас больше и первые ваши слова не услышать, - приговаривал. - Не узнать, какой еще человек на свет божий появится».

Жена его плакала тоже навзрыд, до парохода провожая. Словно навсегда прощалась. Так оно и вышло. Заснеженным вьюжным февралем пришла в деревню, в семью его приемных родителей, черная весть со словами: «Ваш сын и муж погиб 20 февраля 1942 в Нелидовском районе Калининской области».

Разорвал деревенскую тишину плач Акулины Ильиничны и молодой вдовы Любавы, которой в те поры всего-то исполнилось 23 года. Не прошли для нее бесследно эти долгие и печальные проводы. Разрешившись от бремени, она недолго лелеяла новое дитя - девочку, через десять дней прибрал ее Бог.

Приезжал потом сюда брат Владимира Яковлевича Павел с предложением собрать, склеить разрушенный войной семейный очаг. Да в штыки его встретили родители погибшего Володи. Быстро спровадили отъезд, снарядив повозку и снабдив теплым, до пят, тулупом, который наказали вернуть с подводой.

Уехал он в этом тулупе, что поминала ему Акулина Ильинична до конца дней своих. Неизбывной и непреходящей была ее печаль по сыну, от которого осталось две внучки да мизерная пенсия по старости, на которую можно было прожить, лишь прося подавание. Да спасало немудреное хозяйство подворья,

с которого, впрочем, во время коллективизации свели лошадь. И потом Акулина Ильинична, окрещенная единоличницей, поскольку не пошла в колхоз, копала огород руками, нанимая изредка калмычку Настю Доржинову за сытный ужин.

И не выжить бы ей после смерти мужа Якова Яковлевича, если бы не сноха. Та, как говорится, докормила ее до смерти, хоть сама ютилась в избе «пять на пять метров» «большим свалом».

Так в двадцатых революционных годах закончилась родословная священнослужителей Грязновых. И началась новая семья Кондряковых, в которой рос мой отец. Насильно пересаженные семена дали новые всходы, новую фамилию их потомкам. Считалось, вытравили из сознания людей эту память основательно.

А я помню, как в глухой ночи при слабом огоньке лучины домашние глухо вспоминали о невинно пострадавших батюшке Якове и матушке Софье, о сиротах-горемыках. Где нам искать причины наших бед, обвиняя или защищая мертвых. Ведь с тех пор мало что изменилось. Как и положено, мы ведем свою родословную от Великого Октября, который проложил труднопреодолимую межу, отсекая наши корни, положив начало новой эпохе. Да только не в радость обернулась она для поколений, мучительно отыскивающих, откуда они есть пошли.

Один из моих героев, некогда житель Пасола Тальнишних Дмитрий Антонович только и помнит, что жили они в Уватском районе, кто же были предки, не знает.

Бывший удачливый рыбак, который сызмала «мерял» здешние реки и речки, вровень с отцом вкалывавший на путине, имел только один перерыв в стаже. Перерыв, связанный с Великой Отечественной войной. Воевал бесшабашно, но не безоглядно. Попусту не рисковал, хоронился, если видел, что силы неравны. Но вновь и вновь выходил на яростный бой с врагом. Словом, делал будничное ратное дело, как многие его сограждане.

С войны возвратившись, отдыхал чуть больше недели и потом вновь в трудную рыбацкую лямку, уже по гроб жизни. Спроси, где богатые промыслы, ответит в любой час. Не толь-

данная красота отличает этот уголок земли. Райский трудный уголок, где прошла молодость рядовой колхозницы, веселой деревенской певуньи, первой помощницы мужа, бывшего до войны председателем рыбартели, Федосьи Николаевны Вахловой.

К Вахловым в Вахлово заезжали жители окрестных деревень. Их фамилия, а точнее, фамилия их родственников, живших здесь с незапамятных времен, и дала когда-то название деревне, которой теперь нет. Но старожилы и до сих пор, отмеряя немерянные версты по таежной глубоководной реке, ориентируются по старым названиям, старым деревенькам.

Еще недавно, приезжая в Угут, я шла непременно навесить эту старушку, теперь седую, сухонькую и сморщенную, разговаривающую тихо, с длинными паузами. Бывало, всплеснет руками, в глазах засветятся добрые искорки. И начнется промеж нас длинная беседа. Обо всем и обо всех расспросит, особенно дотошно о деревне. Приговаривает при этом по-домашнему - что, и Палагеина-то дома нет? Спалили, - не то спрашивая, не то восклицая, заметит старушка и вдруг замкнется, замолчит надолго.

Видно, нелегкие давние воспоминания нахлынут, придавят и лишат речи мою собеседницу. Да и как не взволноваться, ведь Вахлово для Федосьи Николаевны - молодость, счастье, материнство, счастливые семейные дни. Сколько уже лет прошло с тех пор. Сразу-то Федосья Николаевна и не припомнит. Что и немудрено, почти тридцать лет назад уехала она из Вахлово и живет с дочерьми в Угутае.

А что было тридцать лет назад, и молодому-то трудно припомнить, а тут старушка, которой восемьдесят с гаком. Только наверняка видится ей ее Иван, развеселый проворный парень, заботливый муж, первый человек на деревне.

- Иван Дмитриевич у нас был продавцом и председателем, а я старалась помочь ему,- говорит Федосья Николаевна.

Помочь - это значит быть с раннего утра на ферме или на лугу. Успеть с зарею выкатать квашонку, чтобы свежий румяный хлеб был у сельчан на столе. Да мало ли забот у крестьян, людей от земли. У Вахловых народилось шестеро детей. Уходил на войну отец, оставляя на руках этой худенькой женщины самых старших - подростков и самых младших - что едва под

стол пешком ходили. На душе-то кошки скребли, но не подавал виду всегда веселый деревенский председатель. Трудно было ей, ему, уходящему в горнило войны. Конечно, поголосила, хоть и скупа на слезу и сдержанна всегда была Феня. Отец подержал по очереди на коленях Нину, Шуру, Аню, Николая, Вову, Зину, крепко расцеловал каждого, бережно и сильно прижал к себе жену. Не сказал, но выдохнул: «До встречи, мои дорогие, родные, желанные!». И отвернулся, решительно шагнул к берегу.

Долгим тоскливым взглядом проводила Феня мужа. И осталась с детьми, с шестью парами не по-детски взрослых глаз. Они-то, дети, и помогли ей выстоять, перенести все тяготы нелегкой работы в тылу. Они, рано повзрослевшие, стали ей помощниками, когда шла она на колхозное поле. Они управлялись по дому: копали солидных размеров огород, рубили и солили капусту, бежали в лес за ягодой, носили орехи, проверяли сети. Они же, ее дети, стали и утешением, когда в дом пришла черная весть.

На всех и на все хватило сил у этой русской женщины. Прожить трудную трудовую жизнь и вырастить детей, дать им образование. Почти все они живут в нашей области, а трое в Сургуте и районе. Все они собираются к материнскому очагу уж раз-то в год обязательно.

По обской магистрали в нашем районе остались только Сытомино, Лямино, Высокий Мыс, Тундрино, Банное, Локосово. Не стало Пасола, Вахлово, Кирьяса, Погорельска, исчезли вообще с лица земли, а Покур, некогда подчиняющий эти деревни, перешел под юрисдикцию Нижневартовска. Если перечислять дальше, то не стало Ямского, Тугаски, Няши, Чимкино, Смоляного, Кушникова, Озерного, Романовской и Сармановской половинок.

Отторжены Лемпино, Салым, Аган, Варь-Еган, Когалым. Кто следующий?

* * *

- Переменишь ты за свою жизнь три места жительства, - пророчила ей цыганка вослед торопливо. Зоя отмахивалась от нее, с ужасом воспринимая, так неужели еще раз придется переезжать. Она и теперь еще все помнит эти слова и считает,

что два-то переезда уже были, но и третий возможен, если совсем поплохеет здоровьем.

Побывала я на новом месте жительства Зои Ивановны Спиридоновой, бывшей пасольской к Улхозницы, одной из дочерей Ивана Евгеньевича, тамошнего председателя. Живет она в казенной квартире районного центра Октябрьский с известными деревенскими благоустройствами. Но она и ему рада, этому углу, который дали ей на улучшение. Раньше-то она с матерью жила в старенькой избушке, купленной на свои кровные. От времени и непогоды, отсутствия мужского догляда она обветшала.

И Зоя Ивановна, теперь уже без матери, переселилась в деревенскую двухэтажку, которых немало понастроили, вернее, поналяпали в наших городах и весях. И хоть живет Зоя Ивановна далеко от Пасола, в районном центре, но он не лучше, если не хуже ее деревенского родительского очага. Это ее второй переезд. А первый...

...Было это еще в нашей епархии, которая простиралась на сотни верст вниз и вверх по обской магистрали, в Пасоле Покурского Совета. Крепкий в нем был колхоз, а хозяйничал в нем ее отец Иван Евгеньевич Спиридонов.

Дочь, не обеляя, не очерняя его, тихо рассказывала о том, что нелегко в ту пору отцу приходилось. Часто бывая в районном центре, он замечал, как тот или другой его коллега неизвестно куда и каким образом исчезали. Ему и самому неоднократно намекали уполномоченные, кои по-инспекторски наезжали в колхоз, что и его может не миновать эта участь. Вот и выжимал председатель из колхозников, подросших детей да стариков все соки.

Пасол опустел очень быстро, сраженный диагнозом неперспективности. И Зоя Ивановна, с детства твердившая, что останется навсегда с родителями, переехала с ними в соседний Погорельск, выстроенный руками спецпереселенцев. Немало слез она пролила, да и отец ходил долгое время как потерянный. Не согласился он тогда впрягаться в свой привычный гуж. Впрочем, и прожил он потом недолго. К прочим недугам прибавилась болезнь сердца. Не мог он видеть, как скоротечно заваливалось хозяйство.

Падеж на ферме стал делом привычным, воровство рас-

цветало буйным цветом. Люди обкрадывали бессловесных животных, не стало привычного догляда за ними - это болью отзывалось в душах Спиридоновых.

Они все сравнивали со своей деревней. Она тогда была известна многим, одними из первых в районе ее труженики побывали на сельскохозяйственной выставке в Москве.

А новое хозяйство так и не стало на ноги, это, может, и подкосило Ванюшку, как в просторечии именовали своего голову пасольские колхозники. Хвори одолели. К тому же по трагической случайности, как когда-то в молодости, попал под упряжку. Дорожное происшествие на деревенской свадьбе окончательно сломило его здоровье.

Умирая, он попросил увезти его к последнему приюту в Пасол. Колхозники выполнили его последнюю волю. В огромный гребной неводник они погрузили его останки. Они, в том числе калмыки Анна Мондрунова, Борис Зунгруев, Федосья Багульдинова, старожилы Лидия Фалалеева, Гавриил и Парасковья Черкашины, вдовы Евгения Георгиевна, дети, Мин Абросимович Комаров, тетя Тася Агишева, дядя Костя Васильев.

Остался от бывшего председателя среди всеобщего запустения небольшой могильный холмик с деревянными памятником и оградой, обвитой венком, на ленте которого на старой фотографии можно прочитать «От колхозной партийной организации».

А вскоре, рассказывала Зоя Ивановна, вышла вольная калмыкам и погорельским спецпереселенцам. И Погорельск приказал долго жить, кто отсюда на Вату подался, кто в Сургут, кто в соседнее Локосово. Уезжали и они, как ниточка за иголочкой потянувшись за старшим братом, ставшим главой некогда крепкой семьи Спиридоновых. Так и оказались потомки Ивана Евгеньевича в Октябрьском, за сотню верст от Пасола, в другом районе.

Там она доработала до пенсии, схоронила брата и мать. Осталась одна, поскольку своей семьи у Зои Ивановны не было, а вернее, до конца она оставалась в родительском доме. Но есть у нее еще сестры старше ее, Лидия уже приезжала, интервьюировалась, не переедет ли она к ним в Тюмень. Та пока отмашивается, вопрошая: так неужто же еще в третий раз придется

переезжать? И будут все Спиридоновы разбросаны по краю, по свету, и память о них быльем порастет.

Глава IX. СУРГУТ

Так уж распорядилась судьба, что довелось мне встретить своих героев в разные периоды жизни. С Шундеевыми мы познакомились по Ямскому, ныне подросшие и состарившиеся дочери Александры Степановны и Петра Николаевича живут в Сургуте. Этот рассказ об *одной* из них, в замужестве Ткачевой.

Не знаю, кто может сравниться с Валентиной Петровной в стряпне. Такие вкусные да пышные печет она пироги, шаньги, калачи. Праздничный стол в ее доме неизменно украшает рыбный пирог, деликатес, без которого северяне не обходились.

Теперь-то, конечно, времена иные, и у Ткачевых в пирогах все чаще вместо рыбы овощная начинка. Повывелась в Оби-матушке рыба-белорыбица, а сама она замутилась, обмелела, покрылась по днищу парафиново-мазутным панцирем, прикрыв речной планктон. Не одна Обь течет поруганная, высохли притоки, обезводились болота, так откуда и взяться рыбе?

Семеро было детей в семье Шундеевых: шесть девок да один парень, в честь матери или просто так названный Шурой. И все они словно клеймом припечатаны с приставкой «спец» или, как еще прочно приклеилось к ним прозвище, «колонки» от «колонистов».

Выучилась все же Валентина на ветеринара. И как сама шутит, Сургут и сургутян не по избам, по стайкам знала. В глухую ли полночь, днем ли, в сумерки бежали за ней, за скорой помощью для больного животного. И она шла, ехала на обласке, лодке, оленях, лошадях. Самолеты да вертолеты в ту пору не особенно баловали горожан-сельчан.

Старожилы и до сего времени помнят миловидную безотказную женщину. Вечно в трудах и заботах. Начинала она свою семейную жизнь с чашками да ложками, да с пустым самодельным чемоданом в снятой по случаю комнате, по принципу «с милым рай в шалаше», да с мечтой о собственном доме.

Вскоре муж ее, Владимир Николаевич, начал лес шкурить, бревна готовить под стройку. Летом помогал приезжав-

ший из Кирьяса свекор. Рубили до осени, оставляя зимой это занятие, а следующим летом опять топоры стучали, пилы «Дружба-2» визжали. И встал собственный дом Ткачевых на бывшей улице Красных партизан, не совсем чтобы хоромы. Но были в нем зал и спальня, кухня и прихожая. А главное - при нем усадьба: огород, стайка, трава в огороде и земля под ногами.

Тогда, может, и вздохнула Валя Ткачева. Да недолгим был вздох: под нож бульдозера пошел старый Сургут. Ушел сваебой у самого дома, что приветливо смотрел цветущими по весне рябиной да черемухой в улицу. Тогда-то и раскололось купленное в первые годы жизни в своем доме зеркало-трельяж, которое супруги не выбросили до сих пор, но которое по примете раскололо жизнь пополам, но это коснулось уже детей.

Переселялись в коммуналки, сцепив в кулак нервы. Переселялись на то место, которое виднелось им из окна: колхозное поле. Ну и переехали в казенный дом, не получив за свой труд ни копейки и только теперь, после долгих хождений получивших право собственности на свою двухкомнатную секцию.

Сколько потом ни хлопотала Валентина Петровна, чтобы вернуло государство часть стоимости. Тщетно. И осталась от бывшего разве только земля, которую Ткачевы вывезли на дачу, и теперь с ранней весны до поздней осени работают, отдыхают от шума городского.

И вышла хоть теперь хозяйке реабилитация, но клеймо живет в душе, словно тавро, выжженное навечно раскаленным железом.

* * *

Необозримое. Оно без конца и без края. И начинается для каждого по-своему. Для них, например, ветеранов рыбоконсервного комбината Любви Васильевны Бошевой и Николая Никифоровича Бакшеева, оно началось с заводского гудка.

Он разносился требовательным однотонным эхом. Заводской гудок - начало их жизненного поля, тревожный гудок весенней поры. Один из них позже, другой раньше пришли на рыбокомбинат. Сразу со школьной скамьи. Жизненные «университеты» проходили на рабочем месте: в лесу, когда сами

его пилили для рыбокомбината, начиная строить новый консервный цех, в мехмастерских, на богатой в ту пору и могучей матушке Оби.

Гудит гудок, бесстрастный хранитель времени. Извещает начало рабочего дня. И оживает все в цехе, приходит в движение. Раннее утро, только начало. А до него?..

Люба и Николай шли сюда, на Черный Мыс, из самого центра старого Сургута. Теперешним горожанам трудно представить, что вот так изо дня в день, преодолевая, как говорится, неближний путь, шли они на работу и не только на работу. После вечернего гудка, лишь наскоро перекусив, бежали обратно то на политзанятия, а то и с агитками по своей десятидворке.

Говорим мы с Любовью Васильевной вроде бы о вещах обыденных, а в ее лучистых с синеватым отливом глазах нет-нет да и блеснет непрощеная слеза. Трудным было прошлое.

Взрослели тогда быстро. Спешили повзрослеть, встать в строй с взрослыми рядом. Заменить, скажем, на лесной деляне начальника участка Георгия Ивановича Маханькова. Тот, сноровисто приловчившись, сваливал, бывало, несколько лесин и, смахнув с лица капельки пота, распорядился, мол, пишите, девочки.

А те нет чтобы разделать готовые лесины, сами брались за валку. Тот лишь головой покачает. Валили лес, пилили и строили все сами. В основном молодежь, в основном ребята-подростки да молодые девчата. Николай, посоветовавшись с соседом, начальником механического цеха Трифоновым, пошел по столярному делу. Гайки, шпилы, скобы, необходимые при строительстве плашкоутов, научился вытачивать. Не один раз ходил на катере на Ореховскую смолокурню, чтоб привезти для кузницы древесный уголь.

Весело прыгали под мехами огненные языки. Стучали молоты, расплющивая железо, придавая ему форму. Молот-молот словно вызванивал другое - молод, молод. Интересное и юное было у них время.

И откуда, кажись, сила бралась. Да разве тогда об этом думалось? Ведь все жили одной мечтой, одной верой в скорую победу, в счастливое будущее. Ничего не жалели.

Первыми подписывались на заем. При свете тусклой се-

милинейной лампы Николай и Люба читали газету, донося до каждого вести с фронта, с переднего края. Приходили и с письмами, когда получали благодарность от жителей блокадного Ленинграда за вкусные консервы. Те консервы, выпуск которых был налажен в не достроенном еще цехе.

Агитаторов в те поры ждали с нетерпением, бережно и внимательно рассматривали, читали люди газету, с которой те ходили из дома в дом. Каждый-то в те поры не выписывал, не по карману. И радио было не в каждом доме, так что агитаторы были и «ходячей» газетой, и всесоюзным радио.

Их последователи, поколение более молодых, - Августа Петровна Поспелова и Мария Михайловна Махнева равнялись на старших. Как и те, в свое время девчонки вступили в комсомол, робея от красного сукна длинных райкомовских столов. Здесь сложились свои рабочие династии Подгорбунских, Бакшеевых, Обуховых.

В послевоенные годы хозяйство рыбоконсервного комбината быстро пошло в гору. Построили консервный цех, который мог выпускать уже миллионы тонн продукции, перестроили и переоборудовали механический цех. Остался один кузнец, без которого какой же мехцех! В рыбном хранилище установили огромные холодильники. Не надо теперь, как когда-то, долбить майны, вытаскивать ледяные глыбы, возить их на лошади, а затем, дробленные, на носилках таскать в ледники.

Не надо таскать на деревянных седлах-горбушках по два ящика консервов. На помощь пришел транспортер. Осталась в прошлом да в их памяти трудная выгрузка из трюмов неподъемной тяжести рулонов жести, центнеровых мешков с сахаром и крупой, мукой. Механизированы рабочие процессы.

Все изменилось, выросли и люди. Николай Никифорович Бакшеев в сорок лет окончил машиностроительный техникум, десять лет был секретарем парткома, возглавлял цех, где начинал свое жизненное поле. Начальником цехов работали Августа Петровна Поспелова, а Мария Михайловна Махнева заведовала детским садиком. И только Любовь Васильевна оставалась просто рабочей.

Это лишь одна крохотная история большой трудовой биографии старейшей отрасли - рыбоконсервной. В свое время Анна Георгиевна Тверетина написала летопись предприятия,

которая хранится в коллективе. Она же имела мечту открыты при комбинате музей. Но пока только при входе туда стоит памятник «Мужеству рыбаков Сургута».

Другой престижной отраслью хозяйства в Сургуте была лесная. Сколько здесь лесов повырубали, сколько прошло через этот лес людей. Именно у лесников появились первые вербованные, так прозвали в народе людей по оргнабору. Тех, кто, отработав сезон и прожив в промерзлом ледяном бараке зиму, уезжал неизвестно куда. Зимой же подсобляли валить и готовить лес колхозники из близлежащих деревень, которые, как считалось, лежали бы на печи, не будь лесозаготовок.

Кадровых рабочих было немного, как, впрочем, и инженерно-технического персонала, достаточно сказать, что по десятку-два и более лет задерживались здесь те, кто приезжал на постоянную работу. Николай Дмитриевич Евтихов - один из них, более тридцати лет проработавший в леспромхозе. Тогда, когда впервые появился он в Сургуте, последний был обычным рабочим поселком, где преобладали рыбная, лесная промышленность и земледелие. Но какие в ту пору красовались вокруг кедры, березы и сосны в саженный охват. Пиломатериал из этого леса получался добротный, плахи так в половину метр и более.

По всей тайге здешней - от Усть-Балыка до Зайцевой речки, от Кирьяса до Лямы, от Югана до Тром-Агана на сотни верст вокруг раскинулись лесопункты. Выбирали древесину на одном месте долго, потому что работали лучковыми пилами, топорами да «Дружбой-2» - туда-сюда. Вывозили конеобозом да плотами самосплавом...

В Сургутский леспромхоз и получил направление в 1958 году Николай Дмитриевич Евтихов. Приехал с семьей, в которой было двое ребятишек. Поселился в доме, где бытовые удобства заключались в стенах да печке. За водой приходилось бежать на колодец. Ближний в старом Сургуте вымерзал до доньшка, так топтать приходилось за Сайму. Конечно, основная ноша по дому легла на жену Ольгу. Сам-то он, как летучий голландец, сновал по лесопунктам. Но в редкие свободные дни помогал своей Оленьке чем мог.

Его трудовая биография и биография отрасли. От техники «Дружба-2» до мощных бензопил, словно невидимой нитью

рассекающих древесные стволы. От малосильных катеров до «Костромичей», способных тащить десятки тысяч кубометров плотов. От мало мощных тракторов до трелевочников. От маленьких тесных избушек и барачков - до современных поселков, имеющих необходимые удобства.

С другой стороны, от могучих лесных массивов - до тонкоствольного подроста, который и по сию пору валят для промышленных целей, но больше все же для захоронения в земле, когда ведут магистрали к кустам и основаниям нефтепромыслов, которые свели практически на нет старинные отрасли края, как, впрочем, и невосполнимый урон нанесли коренным жителям.

Евтихов из потомственного рода лесорубов. Отец его возил пучки и горы леса с нижнего и верхнего складов. Есть такое понятие у лесодобытчиков, обозначающее лесную деляну и речную пойму, по которой в пору большой воды таранят реки плотгоны, умело формирующие вершина к вершине, чтоб обязательно к берегу, ленты и пленки. Поэтому и Николай, окончив десятилетку, безоговорочно выбрал Свердловский лесотехнический институт. В каникулы нередко ехал с отцом в деляну, присматривался, учился... И эту привычку к разумному хозяйствованию, передаче своего опыта он пронес через всю жизнь.

* * *

Черной извилистой лентой петляет по тайге Юган, отражая в своих водах склонившиеся с берега сосны, кустарники, ели и развесистые гроздь черемухи, смородины, рябины. Припорошенная снегом земля контрастно отделяет гладь реки, и кажется бездонной глубина. Капитан катера ТЛ-117 с Юганского лесоучастка Виталий Антонович Луценко хорошо знает труднопроходимые места, перекаты - песчаные отмели пологой прибрежной полосы. Их коварно скрывает небольшой слой воды.

Вот один из перекатов, и скорость резко уменьшается. Капитан Луценко и механик Шабанов осторожно ведут катер по отмели, помогая винтами промывать фарватер. Продвижение в малую воду по двадцатиметровому перекату заняло два часа. Передав рулевое управление катером механику, капитан и в каюте был, что называется, в постоянном напряжении: реку

он чувствовал, знал каждый ее изгиб, поворот, мель... Умение это пришло к нему не сразу. На флоте он прошел все с азов, начав с матроса. Хотя с детства, которое прошло на Украине, он лишь по книгам да кинофильмам представлял богатую впечатлениями и событиями жизнь речников.

Возле села, где он вырос, был только небольшой пруд, по которому ватага мальчишек гоняла парусники. Может, тем и привлек Виталия наш суровый край, что уж больно много в нем воды. Матрос, потом механик, наконец, капитан - таков послушной список Виталия Луценко.

Ярким днем в его памяти остался первый рейс по Югану. Была большая вода, и катер, как пушинка, легко скользил по поверхности, развивая предельную скорость. Целыми днями не покидал палубу молодой матрос, и с лица его не сходила улыбка. Он был горд своей работой, своими успехами и в каждый рейс готовил свежие полосатые тельняшки, матросские брюки, бушлат с до блеска начищенными пуговицами.

Юган не изменился с тех пор. Он так же бурно катит свои воды в весеннее половодье и так же тих и опасен в пору мелководья. За подвижкой льда весной выходит в рейс ТЛ-117. Длинные караваны древесины ведет по Югану в Сургут, Нефтеюганск, Нижневартовск.

Целую зиму бригады лесозаготовителей в Лейковых сбрасывают с берега пучки свежесрубленных сосен, горы смерзшегося леса закрепляются весной тросами в плоты. Их-то и водит Луценко. Трудно подсчитать, сколько тысяч кубометров он переправил их за годы работы в лесопункте, если еще учесть, что почти пять лет он здесь был единственный «лесовоз».

Теперь уж и сын по его стопам подался и тоже бороздит своенравные таежные речки. И жена Виталия Лидия Алексеевна Луценко все время с мужем на воде. Иногда их судно швартуется в Сургуте вместе с судном сына. Вот тогда в их семье большой праздник.

Из длительного плавания Луценко возвращается опять же за кромкой льда, чтобы, чуть отдохнув, пересечь на бензовоз, который неизменно «ждет» его. Так проходят дни за днями в ежедневной работе, в редких домашних радостях.

Особенно в эти девяностые годы, когда враз рухнула от-

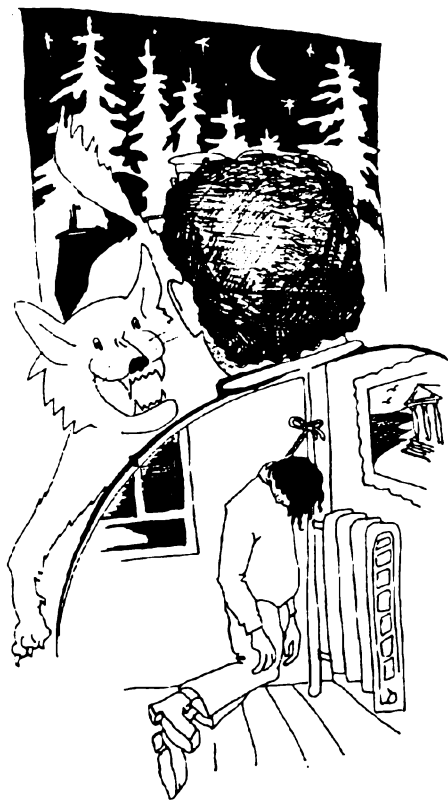
расль, продукцию которой прочно вытеснил нетканый дорожный материал, позволивший отказаться от закапывания в полотно древесины, тяжело живется лесозаготовителям, сориентированным только на промышленную лесоразработку, нет работы в лесу, не выдается заработная плата.

И только торговля, что называется, процветает, благодаря усилиям энтузиаста Виктора Даниловича Чубаренко, который, как настоящий купец, торговец милостью божьей печется о делах своей отрасли. Поэтому, может, и живут еще на лесоучастках люди, что торговля одна, пожалуй, и осталась верна им. Тут по сходной цене продаются продукты питания, промтовары и прочая мелочь, так необходимая в хозяйстве. Вдобавок как в том, так и в другом лесопункте, только в одном больше, а в другом меньше завели подсобное хозяйство у каждого, и общее. Это самое необходимое подспорье, позволяющее селянам-лесорубам сводить концы с концами.

В течение одного столетия сургутский край, так называемая глухая окраина Сибири, существенно изменил свое лицо, но жить люди лучше не стали, во всяком случае, основная масса селян сегодня, как говорится, ходит по свету в поисках лучшей доли. Одновременно Сургут был местом ссылки с незапамятных времен. Но уже в наши годы здесь под надзором содержался опальный грек.

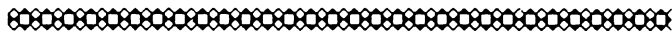

Часть II. Сургут.

Глава I. ЭХО УМОЛКШЕГО ИМЕНИ

Из далекого прошлого - начала семидесятых. Случайно брошенная родственником фраза «иду охранять грека» засела в мозгу и выплыла как-то неожиданно, спровоцировав маленькую заметку-догадку в местной газете. Она, вопреки всему, потянула за собой ниточку, распутавшую весь клубок и позволившую нам установить, что с 1962 по 1973 год в Сургуте проживал под негласным надзором политический эмигрант, ссыльный генеральный секретарь ЦК компартии Греции Никос Захариадис, в миру Николай Николаевич Николаев.

Потом эту информацию подхватили и развили центральные газеты, что и явилось причиной приезда сюда политического обозревателя афинской газеты «Элефтеротипия» Георгия Мавроса...

Вот что он рассказал. « В 1978 году мы получили новые документы о жизни и деятельности Захариадиса. Однажды вечером нам позвонили и сказали, что нашли четыре ящика с бумагами, возможно, они представляют интерес.

Было поздно, а ехать - за 700 километров от Афин, почти к албанской границе. Но дорога туда хорошая, построенная блоком НАТО, и доехали мы быстро. На месте выяснилось, что крестьянин копал огород и обнаружил ящики, почти раскрытые, так как крышки разъела ржа. Оказалось, здесь был спрятан архив гражданской партизанской войны в Греции, которую официально называли «бандитской». Погрузив документы, направились обратно. Однако на дороге нас встретили четверо с автоматами, остановили, направив дуло на машину.

Я засмеялся, спросив, не сумасшедшие ли они? Или это карнавал? Передо мной стояли люди тайной полиции, которым, как объяснили, приказали изъять у меня ящики любой ценой. На возражение, что это частная собственность, бесцеремонно заметили, что она принадлежит государству. Выбрав часть бумаг, я спрятал их на груди, остальное полиция забрала. находка оказалась бесценной. Там были первоисточники, которые я начал изучать. Брал их и шел к Флоракису, который воевал. Уточнял подписи, некоторые факты. И уже через неделю начал публиковать документы. Это было непросто, ведь после диктатуры «черных полковников» прошло четыре года. И называть в ту пору войну гражданской расценивалось как провокация. Однако с появлением этой хроники тираж нашей «Элефтеротипии» возрос на 30 процентов. Эти первоисточники шли в ней в течение года.

Особенно заинтересовали меня биографические справки, которые почти один к одному повторялись через три месяца. Спрашивал и находил тех, кто объяснял. Этот порядок завел Захариадис, объяснили, преследовал он такую цель: если во второй, в третьей биографии встречались расхождения, то человек отправлялся на передовую и там чаще погибал.

Таков был Никос Захариадис. До этого я клялся его име-

нем. Слава богу, что коммунисты не выиграли в войне. Мне стыдно, что я так говорю, но если бы они победили, у нас было бы хуже, чем в Румынии.

А выигрыш был вполне реальным, если посмотреть в историю. В 1931 году над компартией еще смеялись, называли хулиганствующей, ссорящейся группировкой, а через четыре года она стала крупной организацией. И это благодаря усилиям Захариадиса, который закончил КУТВ (коммунистический университет трудящихся Востока) в Москве, где очень выделялся.

Никос был молодой, энергичный, волевой. Не случайно в 1935 году правые силы в Греции, чтобы взять власть в свои руки, заключили с компартией соглашение.

Имя Захариадиса в Греции становится идиолом, ему внимают безоговорочно, и точно так же не терпит возражений он сам. До 1956 года любой, кто вступал в разногласия с Захариадисом, попадал в опалу, в ссылку.

В 1955 году, уже после смерти Сталина, перемещений Булганина, Маленкова, Хрущева, движений в странах народной демократии, у нас увидели, что компартия следует в политике сумасшедшим курсом, подкапывается, мешает левым силам Греции. Плюс был готов XX съезд. Захариадиса сняли, правда, незаконным путем, передав власть Кулянису, который был в списке активистов под далеко не первым номером. Избрали, зная, что он не будет провоцировать левые и правые силы.

Объективными ошибками Захариадиса, прошедшего застенки режима «черных полковников» и Дахау, были три. В послевоенные годы он не понял, что нет никакой возможности пересилить режим, что нельзя было вовлекать людей в кровавую междоусобицу. Политически показал, что боится избирательной кампании, призвав коммунистов не принимать участия в апрельских, 1946 года, выборах в парламент. Не заботился о резерве, надеясь на принуждение: из 38 тысяч партизан четверть была вовлечена насильно.

Когда закончилась гражданская война, партизанская сошла на нет. 16 тысяч партизан оказались на албанской территории, еще 30 человек - их жен и детей - ушли туда. Пленум ЦК состоялся в Албании с прежним лозунгом: «Ружье нагото-

ве», Захариадис уехал в Советский Союз, ЦК обосновался в Румынии, а большая часть коммунистов - в Советском Союзе.

Захариадис курсировал то в Румынию, то в Албанию, отправлял отряды. В Москве, как бы между прочим, Сталин, Берия, Молотов подтверждали правильность курса».

* * *

В нашем городе Захариадис, Николай Николаевич Николаев, появился в 1962 году. Здесь он по очереди жил в трех домах, но первым был дом по улице Ленина, 29, принадлежавший Петуховым. Потом он проживал на Нагорной и по Кедровому проезду за Саймой...

Вот как о нем отзывались сургутяне. Г.П. Виер: «С 1963 по апрель 1964-го я охранял его вместе с Василием Макаренко, старшим. Мы отмечали, что это был добрый и грамотный человек, обходительный и вежливый».

Медсестра Захарова рассказывает, что в «период с 1965-68 годов в инфекционном отделении лежал грек. Когда он поступил, то сразу же шепоток пошел по отделению, что это - грек, коммунист. Он здесь скрывается. Ему было улучшенное питание, а вообще мы старались почему-то не выказывать никакого интереса к нему. Вроде боялись. Пациенты, что с ним лежали, отмечали, что он мужик нормальный, хороший. Знаю, что в истории болезни была или греческая фамилия или национальность стояла «грек». Что-то выделяло его из общей массы».

- В те годы,- вспоминал ветеран здравоохранения Михаил Михайлович Григорьев, - я работал стоматологом. Ко мне и пришел Николай Николаевич лечить зубы. Тогда еще, как специалист, обратил внимание на ювелирную работу протезистов моего пациента. Заинтересовался, где так мастерски и качественно привели в порядок его зубы. У него были не золотые коронки, что, впрочем, не диковинно, а золотые пломбы.

Пациент ответил, что лечился в Греции. Там ему и вставили золотые гвозди, расплющивая их по размеру поврежденно-го отверстия.

Потом мы с Валентиной Петровной Захаровой ходили к нему на квартиру. То ли с целью проверить санитарное состояние, то ли еще по какому поводу, уж и не помню. Тогда нам не полагалось знать лишнего и, возможно, мы прошли равно-

душно мимо необычной для нас судьбы. Сегодня, по прошествии стольких лет, когда многие факты нашей истории всплывают наружу, и не понять, насколько же достоверно наше прошлое, верить остается лишь собственным воспоминаниям и смутной интуиции».

Из архивных данных о трудовой деятельности Николаева Николая Николаевича: «Принят 22 мая 1962 года на должность главного лесничего в Сургутский леспромхоз. Освобожден от занимаемой должности 26 июня 1963 года в связи с уходом на пенсию». По информации бывшего сотрудника отдела кадров леспромхоза...

Это еще раз подтверждает, что Захариадис жил под негласно-гласным надзором нашего КГБ, который непременно возвращал его к месту его постылой ссылки. А Захариадис дважды пытался совершить отсюда побег.

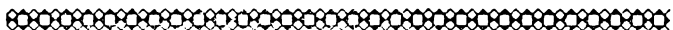
По свидетельству И.А. Никулиной, «все письма на имя Н.Н.Николаева должны были в первую очередь читать они, так скомандовал В.А. Сосенко, бывший в те поры начальником госбезопасности. Так и делала почта, доставляя на перлюстрацию письма и отправления греку в первую очередь в комитет».

«Того кассира, что продал билет на самолет Н.Н.Николаеву, - вспоминает Р.И. Гуменникова, - из авиаотряда, уволили из кассиров без всяких на то оснований, лишь за то, что она его обилетила. Вообще-то, предусматривалось более жесткое за то наказание. Но обошлись малой кровью».

А это строчки из воспоминаний старейшего сургутского журналиста Ивана Захарова. Он пишет:

- Действительно, в шестидесятые годы у нас в Сургуте жил грек, известный сургутянам как Николай Николаевич Николаев. Его многие хорошо знали и уважительно относились к нему. Неоднократно и мы с Николаем Ивановичем Ездаковым встречались с Николаевым, беседовали с ним на самые различные темы. Но не слышали ни одного плохого слова о советской власти и о социализме в СССР. Напротив, он всегда хорошо отзывался о советских людях, о партии коммунистов, о своих товарищах и друзьях по работе. Тепло говорил он и о сургутских медиках, которые помогали ему в трудные минуты.

В настоящее время никто точно не знает, кто в действительности был Николай Николаевич, если даже в КГБ ссыла-

ются на не сохранившиеся архивы. Однако в те шестидесятые годы наше газетное любопытство привело к выводам, что среди нас проживает Никос Захариадис. В свое время он занимал видное положение в коммунистической партии Греции. Но это, повторяю, всего лишь результат любопытства».

Методом проб и ошибок нам с капитаном милиции Верой Кузнецовой, впитывавшей, как губка, рассказы старших, удалось доподлинно установить, разгадать загадку трех Н.

Вот что она об этом рассказывает.

ИЗ ГРЕКОВ В ВАРЯГИ

В последнее время мне все чаще хочется очутиться в Сургуте 60-х, вдохнуть аромат уже не существующих времен, окунуться в атмосферу старых построек и на уже исчезнувших улицах вновь встретить давно ушедших от нас людей.

Но не только незатейливая архитектура и старые улочки тревожат мои воспоминания. Глубоким впечатлением легло в мою душу и нашло в ней приют одно событие, которое, словно рок судьбы, вот уже почти 30 лет не выходит из моей памяти.

Говорят, детские впечатления самые яркие. Разум ребенка, словно лист чистой бумаги, способен запечатлеть в памяти детали, которые взрослый ум не в состоянии сохранить на протяжении всей жизни.

В 1962 г. мне было 11 лет. В то время жила в Сургуте в доме № 26 по улице Ленина. А напротив проживала бабушка моей подружки Наташки Петуховой. Именно в ее дом № 29 поселился неожиданно-негаданно летом странный квартирант, заняв самую большую из трех имевшихся комнат добротного деревянного дома бабы Шуры.

Незнакомец сразу привлек внимание трех подружек, постоянно выискивающих объект для своих многочисленных детских проделок и шалостей. Новый квартирант полностью соответствовал их вкусам. Его звали Николаев Николай Николаевич, он был грек и самое главное - о нем никто ничего не знал.

Я была старшей по возрасту среди своих подруг, уже прочла толстую книгу в синем переплете «Мифы древней Греции» и считалась «знатоком» греков и Греции. Имя постояльца, его внешность, выделявшаяся среди привычных лиц обитателей маленького городка, сбивали меня с толку.

И было от чего. Таинственный квартирант был вид-

ным мужчиной 55-60-летнего возраста, среднего роста, правильного телосложения, при ходьбе он слегка сутулился. Аккуратно подстриженные, черные, вьющиеся от природы волосы с проседью на висках красиво обрамляли его благородную голову, античный профиль, постоянно напоминавший мне древних эллинов, и удивительно светлая для южанина кожа придавали ему особую прелесть. Умное, интеллигентное лицо, спокойный характер и удивительная выдержка действовали интригующе на трех разведчиц, поставивших перед собой цель - узнать тайну грека.

Николай Николаевич был аккуратным человеком. Он, как нам казалось, с достоинством носил мундир лесничего и темно-синюю форменную фуражку с зеленым околышем и эмблемой лесного хозяйства. Иногда появлялся в вызывавшей у меня зависть светлой «ненашенной» курточке. Ветер ворошил его густую шевелюру, и непокорная прядь волос изящно спадала на высокий аристократический лоб. Николай Николаевич всегда вовремя шел на обед, неся в авоське продукты и неизменные две бутылки газводы, за что и получил от нас прозвище «Газвода». Мы знали, что вечером он может пойти гулять или к нему придут гости, а мы, сгорая от любопытства, срываясь с забора, приложив уши к оконному стеклу, будем пытаться услышать, о чем же они говорят. Особое удовольствие мне доставляло наблюдать за хозяином комнаты в поздние часы, когда темнота являлась моим союзником в столь неприличном занятии, как подсматривание тайно в чужие окна.

Но в то время я не слишком задумывалась о моральной стороне дела, а любопытство брало верх над страхом, и я на короткое мгновение погружалась в удивительную атмосферу, царившую во владении грека. Изобилие книг, журналов, газет, рукописей на столе поражало мое воображение. И среди этого множества вещей находилась Николай Николаевич. Он что-то постоянно писал или читал, время от времени поглядывая на окно, в которое я «из подлости» постукивала, желая отвлечь его от столь приятного занятия. И когда мне удавалось вынудить объект моего интереса вскочить со стула и, выключив свет, броситься в кровать, ликованью моему не было предела. Я скатывалась с забора, дожидаясь, когда свет снова загорится в комнате, и игра начиналась сначала.

Однажды Николаев получил с юга от друзей посылку с огромными яблоками. Уже сама посылка и таинственные знакомые, невесть откуда взявшиеся, вызывали у

нас подозрение, но запах яблок, распространившийся по всему дому, сделал свою дело. Вечером мы сели писать греку послание на англо-русско-тарабарском языке, считали, что так будет убедительнее, предлагая Газводе поделиться подарком от друзей, а в случае неисполнения требования обещали устроить ему ночь с привидениями. Записку подсунили под дверь и стали ждать, сидя в укромном месте. Но результата не дождались: то ли грек был несообразительным, то ли послание оказалось малоустрашающим... Вкус яблок мы так и не извели.

Но самым удивительным было то, что Николай Николаевич никогда не жаловался на нас и не проявлял желания отодрать за уши за те неприятные мгновения, которые мы старательно доставляли ему, мужественно проходя через все испытания, которым судьба в виде трех разбойниц постоянно подвергала его: будь то нитки, протянутые через дорогу, под которыми ему предстояло пролезть с двумя полными ведрами, следуя от колодца, или артобстрел картошкой во время уборки урожая, которой он занимался вместе с бабой Шурой осенью. Его белые штаны, мелькавшие среди картофельной ботвы, приводили нас в умиление, а снимок, сделанный старшей сестрой Наташки Ларисой, в память об этом событии, долгое время служил нам поводом для воспоминаний...

От бабы Шуры нам все же кое-что удалось узнать об НН, так сокращенно мы его называли. Сидя вечером за чашкой чая, грек рассказывал хозяйке квартиры о событиях, происходивших на его далекой родине, а она посвящала в его тайну нас, поясняя, что Николай Николаевич прибыл из Греции, бежал из тюрьмы, куда вместе с женой был брошен врагами народа, сейчас прячется от них в Сургуте. Баба Шура с уважением относилась к этому человеку, отдавая должное его уму, трудолюбию. И мы верили и прониклись к НН еще большим вниманием и желанием сделать ему что-нибудь необыкновенное, запоминающееся.

Несколько раз к Николаеву приезжал юноша в красивой суворовской форме. «Сын», - поясняла нам хозяйка дома. Суворовец был статным парнем, ростом почти с отца, но, к сожалению, ничем не напоминавшим внешне Николая Николаевича. Они часто гуляли вместе по городу, и в их отношениях чувствовались теплота и мужское взаимопонимание.

Через год или два Николай Николаевич переселился за Сайму на ул. Кедровая, а после на Черный Мыс на улицу Нагорная. Наши приключения закончились. Иногда

мы встречали нашего грека где-нибудь на улицах города или в кино. Потом я закончила школу, поступила в Тюмени в вуз, а закончив в 1973 г. университет, вернулась в Сургут. Николая Николаевича уже не было в живых. Ниточка, казалось, оборвалась. Но я все равно не теряла надежды узнать подлинное имя человека, жившего когда-то рядом со мной.

Однажды я рассказала о греке своему знакомому, другу и товарищу журналисту Ездакову, человеку всезнающему и всезнающему, и от него узнала, что Николай Николаевич, являвшийся в свое время для меня воплощением таинственности, для журналиста оказался несостоявшейся находкой его несбывшегося очерка «Из Греков в Варяги», иллюзией утраченных надежд. На грека было наложено табу. Рассказы Николая Ивановича дополняли образ человека. А то, о чем я раньше могла лишь интуитивно догадываться в силу своего незрелого детского ума, теперь уже обретало зримые черты, и передо мной возникал обаятельный образ незаурядного человека, обладающего энциклопедическими познаниями. А память рисовала деревянный домик на ул. Ленина, где сквозь маленькую полоску между шторами я видела залитую электрическим светом комнату, большой стол, заваленный книгами и газетами, и не утратившего, несмотря на солидный возраст, привлекательности мужчину, который с увлечением рассказывал что-то сидевшим вокруг стола не знакомым мне людям, слушавшим его с большим интересом. «Заговорщики», - вспоминалась полушепотом брошенная фраза бабы Шуры.

Диапазон бесед журналиста с греком был широк. И с каждым разом Ездаков заново открывал для себя этого человека, повторяя: «Интересный он мужик, необыкновенный». Николай Иванович и не скрывал, что на фоне грека он выглядел пацаном-недоучкой, не знаящим даже, что знаменитых медведей на картине Шишкина «Утро в сосновом бору» написал другой художник, что прообразом Татьяны Лариной в «Евгении Онегине» послужил портрет крепостной девушки, которую любил поэт. С какой-то детской восторженностью поведал мне однажды Ездаков, как на его обычное приветствие «Как дела?» Николаев, слегка улынувшись, ответил: «Мой таракан лучше». И, увидев вытянувшееся от удивления лицо журналиста, дал обстоятельное объяснение о происхождении этой фразы-приветствия, бытовавшей некогда в дореволюционной России среди определенной категории торговых людей, обожавших в те времена знаменитые тара-

каньи бега, фразы, служившей чуть ли не паролем для них.

- Да, это был удивительный человек,- поделился как-то со мной Молодьков Н.К., проживавший в те далекие времена за Саймой и знавший Николаева как соседа.- Такие люди встречаются раз в жизни,- добавил он,- во всяком случае, в моей жизни это впервые. Он владел несколькими иностранными языками, выписывал массу газет и журналов, в том числе и иностранных, регулярно слушал радио. Его знания русской литературы и жизни были безграничны. Это была уникальная в своем роде личность, в политике не было ему равных, в нем чувствовался крупный политический лидер.

Из воспоминаний старожилков мне стало известно, что Николаев 22.05.62 г. поступил на должность главного лесничего в Сургутский ЛПХ, а 26.06.63 г. был освобожден от занимаемой должности в связи с уходом на пенсию. По натуре был человеком скромным и уравновешенным, но иногда за кажущимся спокойствием на его лице появлялась печать какой-то трагедии. Он был очень культурным, аккуратным человеком, сам следил за порядком в своей квартире.

Несмотря на некую долю замкнутости, был, в общем-то, общительным, ходил в гости к людям, которых уважал, за столом мало пил и не много ел, никогда не курил и не терял над собой контроля. Никто не знал ни о его личной жизни, ни о политических убеждениях. Люди из тактичности, видя его нежелание говорить на некоторые темы, не лезли в душу со своими расспросами. Из двух его сыновей, которых он называл по-русски Алешей и Павлом соседи видели только одного - младшего, суворовца, который после окончания училища поступил в Воронеже в вуз. Старший, Павел, который, как я узнала позднее, не разделял политические взгляды отца, работал в АПН и часто бывал за границей.

Ездаков и Николаев не были ни друзьями, ни единомышленниками. Да и неудивительно: свою политическую платформу грек никому не объяснял, а на излишнюю любопытность некоторых ограничивался восторженными отзывами о первой стране социализма, и люди оставались удовлетворенными, услышав ожидаемое.

Но только не Ездаков. Для меня так и останется загадкой, каким образом журналист вынуждал грека на политические разговоры, перераставшие иногда в спор. А те, кто хорошо знали Николая Ивановича, не удивлялись этому. Настырность журналиста, его неуправляемый тем-

перамент, наталкивавшийся на спокойную рассудительность грека, были очевидны, хотя при первом их знакомстве Николаев не воспринял журналиста, приняв его за провокатора. Но когда журналист показал ему на палатку, расположившуюся напротив его дома на Кедровой, в которой «геологи» глушили водку и наблюдали за ним из бинокля, стал более разговорчивым.

«Он сторонник сильной руки, называет себя социалистом-реформистом, создает какой-то свой социализм, но в подробности не вдается, считает, что Советский Союз почему-то навязывает свой социализм другим народам, считая его единственно правильным». Я слушала бесконечные размышления Николая Ивановича, пытавшегося как-то систематизировать свои разбросанные мысли, и с трудом понимала все. Да и сам журналист не мог конкретно дать какую-либо оценку этим фразам, вырвавшимся из уст грека, видимо, в порыве, как и мимолетно брошеное: «Вы не были в наших застенках и не знаете, каким психологическим обработкам подвергается заключенный».

Николаев придерживался правоалбанских взглядов и не был согласен с линией КПСС, пояснил мне бывший сотрудник Сургутской милиции, осуществлявший в 70-х годах контроль за греком, проживавшим в то время на ул. Нагорной, Фольмер А.Г.: «В то время по линии КГБ за пребывание грека в Сургуте отвечал Кучин, мой друг, - вспоминал Фольмер. - От него и стало известно милиционеру, что Николаев - генеральный секретарь компартии Греции, что вместе с женой, являвшейся также партийным функционером, был брошен в тюрьму, бежал в СССР, попросив политического убежища, сначала проживал в Москве, после был сослан в Сургут...». «Если бы Николаев был советским гражданином, он давно бы находился за решеткой за свои высказывания», - делился с Фольмером Кучин. В чем состояли высказывания генсекретаря, и в чем выражалось его несогласие с линией КПСС, Фольмер не знал. Работникам милиции, осуществлявшим за ссыльным контроль, не позволялось задавать вопросы. Да они и не задавали. Существовала вполне убедительная версия: грека нужно охранять, на него готовится покушение. И только Фольмер знал, что грек не должен был вступать в контакт ни с кем из окружающих...

«Охранять» Николаева от его сподвижников начали после его переезда с улицы Ленина за Сайму. Сначала это были сотрудники тюменской милиции, но они не оправдали доверия и были заменены сургутскими, которые на

посту N 1 тоже не сильно утруждали себя работой. Фольмер приступил к своим обязанностям за полгода до смерти Николаева. «Это был очень спокойный человек, хладнокровный,- продолжал бывший милиционер,- его работоспособность поражала меня. В этом было что-то отрешенно-фанатичное. Неизвестно, когда он спал, если и спал, то не более 4 часов в сутки и все время что-то писал, почти не выходя из дома. Нас он в упор не замечал, не видел и балок, находящийся рядом, из которого мы вели наблюдения за ним».

Иногда опальный генсек попадал в больницу, но чем он болел, никто из охранников не знал. Диагноз его болезни объяснили другие бывшие старослужащие Сургутского КГБ и милиции. Возмущенный своим положением, грек неоднократно пытался бежать из Сургута, его задерживали. В знак протеста он объявлял голодовки, попадал в больницу, а после выписки направлялся куда-нибудь в санаторий для поправки здоровья.

Кучин рассказал Фольмеру, как однажды Николаева задержали в Тобольске, в другой раз в Свердловске. Побегу его очень дорого обошлись советскому государству. «Видимо, изгнанник был очень важной персоной, если через два часа после его исчезновения из города закрывались западные границы, а после шести часов - все границы СССР», - вспоминал Фольмер.

На Нагорной Николая Николаевича никто не посещал. Лишь однажды милиционер видел сына Николаева, красивого молодого человека лет 25, приехавшего с женой и ребенком навестить отца, да дней за 10 до смерти к ссыльному прибыл из Греции, видимо, товарищ или соратник по партии. Николаев чувствовал себя счастливым. Он как бы очнулся от сковывавшего его оцепенения, ожил, воспрянул духом. Это был один из немногих посланцев из Греции, пробравшихся официально к нему. Остальная большая группа его сподвижников не смогла доехать.

1 августа Николаев внезапно умер. В то, что причиной смерти Николая Николаевича явился сердечный приступ, Фольмер не поверил, хотя и не мог дать другого пояснения. Одевая в морге тело покойного, обратил внимание, что вроде бы явных следов насилия не было, хотя вокруг шеи виднелась едва заметная полоска, которая наводила на размышления... Тело готовили к отправке в Москву, где находился сын. Для этой цели из Тюмени прибыл самолет АН-12. Гроб сопровождали сотрудник КГБ и двое работников милиции, но вместо ожидаемой Москвы прибыли в Тюмень, груз доставили в городской морг,

холодильник печатали, поставив к нему двух автоматчиков.

Большинство сургутян в те времена не знали настоящего имени Николаева. Кучин называл Фольмеру греческую фамилию Николая Николаевича, но он ее не помнил. Очевидно, некоторые полагали, что в Сургуте проживал Манолис Глезос, чье имя в те годы было у всех на устах, и сочетание имен Глезос - Николаев я также слышала от Ездакова. Это звучало не навязчиво, но вполне убедительно. Только однажды, получив лаконичный утвердительный ответ на извечно интересовавший меня вопрос о Николаеве, я очутилась вместе с Ездаковым в библиотеке. Журналист, видимо, что-то обнаружил и спешил мне показать. Передо мной оказался том Большой Советской Энциклопедии. На левой, как мне казалось, странице сверху с небольшого, величиной с марку портретика на меня глянуло знакомое лицо Николаева, молодого, но вполне узнаваемого. Запомнилась фраза: генеральный секретарь компартии Греции, совершенно незнакомое имя Никос Захариадис. Но память сыграла со мной злую шутку. Вскоре время надолго стерло имя Захариадиса из моего сознания, спустя 17 лет прореагировало на полузабытое Манолис Глезос, промелькнувшее однажды со страниц местной газеты «Сургутская трибуна», побудившее меня, опираясь на собственный архив памяти и воспоминания очевидцев, попытаться воссоздать образ Никоса Захариадиса, жившего некогда среди нас.

Вот таким и предстает перед нами бывший генеральный секретарь компартии Греции».

И будто бы заключительным аккордом явилось письмо сына бывшего охранника Захариадиса, Олега Кучина: «Считаю, что журналистское расследование, - пишет он, - может зайти в тупик, если будет опираться на домыслы и сомнительного рода документы. Одним из таких документов, на мой взгляд, является медицинская справка о смерти Захариадиса от сердечного приступа, предъявленная его жене местными властями - представителями КПСС.

Как известно, мой отец по линии КГБ отвечал за присутствие грека в городе. Со слов матери, в один из дней 1973 года отец пришел домой в подавленном состоянии и сказал, что допустил серьезную ошибку, которую ему не простят.

Через четыре года, когда для жен сотрудников КГБ тайны перестают быть тайной, отец рассказал матери, что в тот день 1973 года, в очередной раз проверяя свой пост и не получив ответа на стук в дверь, заглянул в форточку

и обнаружил Захариадиса повешенным. Видимо, в балке, где жил грек, было светло, потому что на столе отец увидел большое количество денег и не виданную по тем временам иностранную аппаратуру. Непонятно следующее: был ли Никос повесившийся или повешен? Сам отец уже ничего не расскажет, он погиб. Но если вдруг, повинаясь моде, появится версия о причастности КГБ к возможному убийству, смею утверждать о ее несостоятельности».

Многое бы могли рассказать охранники и бывшие работники КГБ В.А. Сосенко, В.Н. Антоненко, но они отмолчались или сослались на беспамятство.

При встрече с Мавросом хирург-патанатом Ю.А. Плетнев, автор медицинского заключения о смерти Захариадиса, вспоминал, что сам видел грека с петлей на шее, стоящего на коленях у табуретки в комнате, где проживал. Подробно рассказал, что прилагал максимум усилий для косметического макияжа шеи покойного. Святую ложь жене Захариадиса Руле Кукуле он объяснил исключительно заботой о ее здоровье.

28 декабря 1992 года Захариадиса наконец-то доставили в Элладу, по рассказам тех, кто занимался эксгумацией могилы в Тюмени. Тело его сохранилось нетленным, как и те одежды, в какие облекли его при похоронах в августе 1973 года. Там, в Афинах, состоялось его перезахоронение, что вызвало в Греции широкий общественный резонанс.

К вопросу о личности Захариадиса. Он был дважды женат. Первая жена Мария, ныне покойная, жила в Чехословакии, где ныне живет его дочь. Рула Кукула здравствует, до недавнего времени она входила в состав ЦК компартии Греции. Сыновья Кирас и Сифакус (Павел и Иосиф по-русски) живут в Москве.

Такая история была в нашем городе, которую мы, как говорится, раскопали, но которая, увы! была хорошо известна в мире.

Вера Кузнецова побывала в Греции, встретилась с бывшими друзьями генсека. Отправившись по приглашению в далекую Элладу, Вера увезла туда семена сибирского кедра, сосны и горсть земли, по которой ходил их соотечественник, генеральный секретарь ЦК компартии Греции Никос Захариадис, известный в Сургуте под именем Николая Николаевича Николаева и отбывавший одиннадцатилетнюю ссылку.

- В Грецию я ехала через Болгарию,- рассказывала Вера.- Говорю по-болгарски. Знаю английский и фран-

цузский. Но оказалось, что на английском говорят только жители Афин. Поэтому и в Ларисе, и в Салониках пользовалась греческим, который учила самостоятельно целый год. Но только там по мере общения стала строить вполне грамотные предложения, что удивляло моих новых знакомых.

Их очень заинтересовало, что по гражданской специальности я - преподаватель иностранных языков. А русским они бы хотели овладеть, чтобы иметь свою нишу на нашем рынке. В Греции есть мои земляки, но язык они уж достаточно подзабыли.

Я не верю в случайность, но эту страну я полюбила с детства. Когда чудесные сказки уводили меня в мир древней Эллады, и под их впечатлением я рисовала на обложках учебников и промокашках любимых героев и их подвиги. Как откровение, вошел однажды в мою душу Никос Захариадис, чтобы через тридцать лет вновь из бездны забвения появиться и дать мне возможность прочувствовать сердцем весь его жизненный путь из греков в варяги.

Итак, я возвращаюсь домой. Поезд «Афины-София» увозит меня из столицы Греции. Проплывают мимо непривычные русскому глазу пейзажи: отвесная пропасть справа и нависшая слева громада скал сменяются равниной, среди оливковых рощиц и стройных рядов кипарисов причудливо вырисовываются домики под красными черепичными крышами. Сидя в мягком кресле вагона международного поезда, я снова и снова обращаю свой взор к дням, проведенным в милой моему сердцу Элладе.

Я приехала в Грецию 5 октября по приглашению друга и соратника, с его слов, Н. Захариадиса Янниса Карастафиса, борца-коммуниста, талантливого писателя, чья судьба и жизнь аналогичны жизни его старшего товарища Никоса. Несмотря на свои 64 года, Яннис полон сил и энергии, молод душой и постоянно занят общественной работой, которая отнимает у него большую часть времени. Но по-другому он жить не может.

Пять дней, проведенные в Алмиросе, встречи с друзьями, знакомыми Янниса, соотечественниками, постоянно проживающими в Греции, произвели на меня огромное впечатление и уже там сформировали определенное представление о греках, их быте, образе жизни и мировоззрении. Я почувствовала, что греки с симпатией относятся к Русским, с удовольствием слушают наши песни и даже поют их, переживают за наши неудачи, сожалеют о несостоявшемся социализме.

В маленьких городах типа Алмироса живут в собственных домах, внутренний интерьер которых заметно отличается от нашего, в небольших двориках, посаженных цветами, вьющимся виноградником, - чистота и порядок. Есть и свои проблемы в этой красивой стране: растущая безработица, поток беженцев из бывшего СССР, эмигранты из Албании, Югославии создают определенную нестабильность в Элладе. Но греки мужественно переносят и рост цен, и возрастающие налоги, не забывая подмечать, что жизнь становится невыносимой и очень дорогой... И тем не менее в Греции есть все.

Даже русские базары. От их посещения у меня остался горький осадок. Приезжают сюда из России греки-понтийцы и выставляют в торговых рядах уникальные товары, предметы, представляющие художественную ценность, мозаику, керамику. За бесценку спускают, распродают национальное достояние России.

Эллины с сожалением и досадой смотрят на наших торговцев. Но товар берут, ведь идет он, считай, задарма.

В Афинах меня ждал сюрприз. Это была встреча с представительницами греческого женского движения, одну из групп которых возглавляет Мата Колондаки, женщина незаурядная и энергичная. Девчата засыпали меня вопросами, и я несколько часов рассказывала им о Сургуте, коренном населении, традициях и обычаях аборигенов Севера. Не обошли стороной и такие проблемы, как положение женщин в России, вопросы образования, секса. И конечно, самое главное, что и интересовало участниц встречи - это мое участие в раскрытии тайны пребывания Никоса Захариадиса в Сургуте в 60-70 годах.

В Греции по-разному относятся к Никосу Захариадису. Кое-кто из старшего поколения, не забывшего ужасов гражданской войны, со страхом произносит это имя. В политической борьбе Захариадис был суров, но и время его не щадило. Для рабочего класса Никос был надеждой и яркой звездой, но надеждам не суждено было сбыться, а звезда погасла. И все же гордость Никоса и его товарищей - некогда мощная и сильная компартия в настоящее время раздробилась на многочисленные группировки: марксистско-ленинскую, сталинскую, захариадиевскую и прочие политические направления, которые порой нетерпимы друг к другу.

Мата называет себя коммунистом без партии, смеясь при этом и признавая, что Никос Захариадис все же великий человек. В ее квартире множество книг о Никосе. Разные авторы, соответственно, разные взгляды. Одну

из них, в 539 страниц, о Никосе Захариадисе, богато иллюстрированную фотографиями, выпущенную в конце 1991 года, Мата подарила мне.

Не обошлось в Афинах и без курьезов. Одна из групп компартии Греции, узнав о моем приезде в Афины, подослала к моим подругам журналистку, которая посчитала меня агентом КГБ. Она была приятно разочарована, узнав, что я просто инспектор дорожной полиции, и, не получив от Маты никакой информации, не солоно хлебавши была отправлена восвояси. Интервью не состоялось.

Мы побывали на центральном кладбище в столице и положили цветы на могилу Захариадиса. В перерывах между встречами ездили по городу, в музей, посетили Акрополь, Сунион, находящийся примерно в 70 километрах к югу от Афин, где на самом высоком месте полуострова возвышаются развалины античного храма Посейдона, где красивый восход солнца, самая синяя вода в море и самый чистый воздух, которого так не хватает в загазованной четырехмиллионной столице Греции с ее многочисленными автомобилями, выстраивающимися в ночное время вдоль улиц на тротуарах, маленьких площадках, газонах.

Древний город, освещенный разноцветными огнями рекламы, сверкающий богатством витрин магазинов, блеском престижных кварталов Колокотрони, превращается в сущий ад, из которого меня вырывают лихие водители Мата и Ета, лавируя среди потока транспорта, задевая порой мое самолюбие инспектора ГАИ, но в тот момент я стараюсь не замечать ничего.

Я возвратилась на Родину. Но остались в моей памяти новые друзья, греческие песни, маленькие таверны и ресторанчики с льющей откуда-то сверху музыкой, великолепная греческая кухня, семиэтажное прекрасное здание «Элефтеротипии», куда меня в последний момент привел вернувшийся из Лондона усталый Георгиос Маврос. Я чувствовала теплоту рукопожатий его коллег, дружеские улыбки журналистов, когда он представил меня им. И я говорю родине Никоса: «До свидания, Эллада. До новых встреч!».

Часть III. Югра тревоги нашей.

Глава I. ПАСЫНКИ СУДЬБЫ

Обживавшие этот край русские переселенцы и высланные как-то приноравливались к укладу местных жителей. Научились у остяков выслеживать добычу, ездить на нартах и мастерить подволоки, самострелы, слопцы, морды, фитили, атармы. Да и местность звали, как исстари повелось у здешнего народа. За Погорельском текла речушка, носившая название Антошкина речка, по имени владельца этого родового угодья.

На Кулу-Егане остяки пустили пришельцев только выш- Ивана Степановича речки. Так и сказали: охоться и живи там, за этой границей. Сюда не переходи, а то стрелять будем.

И одевались пришельцы так же, как живущие здесь аборигены. Все обязательно обзавелись для дальних поездок кумышом, гусем еще его почему-то называли, топорами и меховыми носками, броднями и ноговицами.

Все эти принадлежности мы позаимствовали у ханты. Только в какой-то степени модернизировали, заменив топоры унтами и взвинтив на них непомерную цену. Меховое пальто с капюшоном - тоже одежда ханты, не говоря об эскимосках-ушканках, меховых рукавицах. Тогда в первые годы переселенцы жили с остяками в большой дружбе, считая их за хозяев здешнего края. Не то что теперь - ханты превратились в изгоев, в гонимых людей, которым ни в земле, ни в небе счастья нет.

* * *

Ах, с каким усердием пели мои девочки: «Ленин яста, партия яста». Вдохновенно и прилежно, с верой в счастливое будущее. Этих девочек-ханты - Наташи и Дуси Кельминых, Вари Сурломкиной - давно нет в живых. Смела, слизала наступившая цивилизация, которую они с такой искренностью воспевали: «Ленин сказал, партия сказала». Она вихрем и вероломно вторглась в их жизнь. Она слышала только самое себя и имела только одну цель: вырвать коренных жителей, как начертано на стеле первым комсомольцам, «из невежества и тьмы». Подрубить их под корень, сселив племена и отобрав детей на интернатское содержание.

Что движет нашим цивилизованным обществом? Только одно желание: обойти стороной законы бытия, миновать нормальный процесс развития жизни на земле. Мы все подтягивали рыбаков, охотников до своего уровня, пытаюсь насильно навязать чужую им религию и философию. Нам почему-то очень хотелось превратить рыбака в нефтедобытчика, слесаря, механизатора. Чтобы потом занять их место. Мы никак не хотели понять, что тайга, юрта, олень, нарты, ружье - это неотъемлемая часть их цивилизации, это сама их жизнь.

Не сразу до нас дошло, что мы лишили аборигенов сре-

ды обитания. Казалось, что недра бездонны, тайга бесконечна, и мы «вгрызаемся» в нее, как пелось в популярной, одно время запрещенной песне «Ты да я, да Алешка Васильев». А оглянулись, остановились и не поверили, как «чудище было огромно, стозевно и лайяи». Такое зло сотворили, покусившись на жизнь самобытного народа с высокой культурой и уникальной приспособленностью к нелегким северным условиям.

Ханты сселили. По последним урманам, которые наивные аборигены считали родовыми угодьями, расквартировались люди, которым эта земля, эти богатства, как говорится, до лампочки. А если еще грубее, то источник наживы по принципу после нас хоть потоп. Еще бы, годами ведь древняя Югорская земля копила, берегла свои богатства. А когда и брали их жители, то разумно, заботясь о будущем, о самовоспроизводстве.

Теперь этого ничего нет. И мы, как утопающий за соломинку, ухватились за приоритетные зоны природопользования. Талдычим и провозглашаем, а они, словно шагреновая кожа, с каждым желанием становятся все меньше и беднее. Сюда и птица не летит, и зверь не идет. Каким благородным гневом пылали наши сердца, лишь только возникал разговор о резервациях? Чуть ли не ругательством стало это слово. Но жизнь-то показала, что там, за бугром, на много лет вперед просчитали, предусмотрели и сохранили коренных жителей-индейцев.

А у нас? Живут последние семьи в урманам, зажатые со всех сторон буровыми вышками и уничтоженными пожарами лесами. Трудолюбивый и выносливый народ ханты на грани нищеты. «Недалеко от Тайлаковых, - читаем в одном сообщении, - стоит буровая вышка. Стоят и другие. Но эта особенная, лесные жители называют ее памятником, поскольку стоит она здесь с начала пятидесятых годов. Заросшая деревьями, скрипит, качается, но стоит. Вокруг разбросан металлолом, тросы, не зарастают с тех времен пятна мазута. Так было в 50-е годы, когда мы «не ждали милости от природы». Так продолжается и сейчас. Взять, к примеру, 158 буровую. На этом месте раньше стоял красивый лес-кедрач, теперь на его месте голый остров. Но так кажется издали, а пройдишь - и чего только тут не

увидишь! Горы ржавого металла, помойки, ямы, исковерканные детали. А встречаются и с заводским номером, новые.

Конечно, есть в этой серии и приятные исключения. В частности, место бывшей сейсморпартии N 10 ухожено и облагорожено. Но эти примеры единичны. И все потому, что в противоречие пришли интересы людей. Одни непременно хотели освоить, другие - оставить лес нетронутым.

Как примирить непримиримое? Как сохранить народ, оставшийся в мизерном количестве? Серьезных шагов в этом направлении почти и нет. Глас ханты, как глас вопиющего в пустыне не доходит до слуха власть предержащих. Взять хотя бы ту же речку Лямин, за которую в буквальном смысле идет сражение. Но туда по-прежнему везут и везут грузы, чтобы построить водозабор и качать воду, перекраивая природу, меняя русло рек.

Богатейший край с многонациональной культурой стал всеобщей папертью, где раздают компенсационные средства. Деньги за урон, ущерб природе. Что это, как не подаяние, уничтожение личности, о которой на разных уровнях слышишь: лодыри и бездельники эти ханты. Норовят все на дармовщину.

Нет, вольный и красивый был в недавнем прошлом этот народ. Щедро делился своей добычей с русским братом. Нередко выручал нас мехами, мясом, рыбой.

Где теперь эти люди? Одни, как те девочки «почили в Бозе», другие спились, третьи метаются по тайге в поисках урочищ и благодатных мест каслания. Но все они пасынки судьбы, сыгравшей с ними злую шутку. Без земли нет для ханты жизни. В прямом смысле.

На каждого промысловика нынче приходится угодий в три раза меньше, чем в недалеком прошлом. С такой технологией и отношением к природе, с которыми идут по Сибири геологи, нефтяники, наивно полагать, что вскоре наступит мирное сосуществование с теми, кто жил здесь веками.

В семье Ярсомова осталось восемь ребятишек: Алистарх, Андрей, Зоя, Юра, Груня, Боря, Света, Егорка. Они носятся по школе, оголтело кричат - беззаботное детство. А хозяин рассказывает, вспоминает, как приходилось ему, босому и раздетому, рыбачить, отвозить улов для фронта.

Дали тогда ему награду «За доблестный труд в Великой

Отечественной войне». Потом не раз получал он почетные грамоты, трудился в колхозе. Ловил много рыбы, помогал товарищам.

Но в последнее время рыба плохо ловится. Ведь никто не стал чистить русло Югана, а озера и водоемы отрезали геологоразведчики, упала зарплата. Вот и вышла ему пенсия в 65 рублей на всех: Алистарха, Андрея, Зою, Борю, Груню, Юру, Свету, Егорку и Анну Сидоровну. Она у него вторая жена. Первую-то схоронил. Теперь вот и Сергея рядом с матерью положил.

Я говорю ему, что ожидается повышение пенсий. Он, горестно покачивая головой, вздыхает. Дескать, от этой добавки ничего в его бюджете не изменится. Вот были бы угодья да олени. С молодости они его выручали, а теперь надеяться не на что.

Геологи, нефтяники полевые, колесные и какие-то еще добавки получают, а ханты нет. Для него нет ни бензина, ни сетей, ни «Бурана». Не едут ханты и в больницу. Многие умирают молодыми от туберкулеза. А тот, кто все же решает обратиться за медицинской помощью - ему в зубы направление в Сургут. С незапамятных времен в Угута было десять диспансерных коек. Теперь их нет, незаметно исчезли. Наверное, потому, что еще совсем недавно на всех уровнях шли рапорты, что туберкулез у ханты побежден. Теперь их надо открывать заново.

На днях семья Петра Егоровича Ярсомова переселилась в новый дом. Построенный шефами. С ними, очевидно, останется безродная Варвара Кузьминична Кинямина, у которой в буквальном смысле все с собой и которая вообще лишена средств к существованию. Петр Егорович сокрушается, что и ему переносить-то особо нечего. Знал бы о бедствии, хоть шкуры бы олени в лабаз увез. А то среди ночи дай Бог самим бы спастись от пожара. Вот так и начинает в новом доме жизнь.

Анна Сидоровна робко попросила прислать ей товара на сак и выразительно показала на свой, изрядно поношенный.

Я сдержала слово и выслала в адрес погорельцев и безродной Варвары Кузьминичны посылку. Сагитировала на это знакомых и родственников. Когда-то еще компенсационные средства заработают. Да и вряд ли пойдут они на чулки, шта-

нишки, платья, пальто Алистарху, Андрею, Боре, Груне, Юре, Зое, Свете, Егорке. Обычно мы по-крупному размахиваемся. А тут нужно то, что ничего для нас не стоит, а ценится очень дорого - дружеская помощь, участие.

И сургутяне живо откликнулись на просьбу, собрав и послав в адрес каюковских жителей посылки с носильными вещами. Их получили Варвара Кинямина и Лазарь Ярсомов, Евдокия Каюкова и другие.

О жизни лесного народа мы знаем самую малость, то, что лежит на поверхности. Заглянуть же за горизонт то ли времени не хватает, то ли интереса.

Картинка с натуры. В обычном классе недавно построенной Каюковской школы проживает семья погорельцев Ярсомовых Петра Сергеевича и его жены. Два года ютится на этой небольшой площади семья из десяти человек.

Был светлый солнечный день, а на тумбочке, что из школьного хозяйства, горел фонарь ровным языком пламени. Воспринимался он как что-то ирреальное. И первым моим желанием было увернуть фитиль, чтобы погас огонь.

Но Петр Сергеевич горестно заметил, что накануне схоронил взрослого сына.

- Пошел он купаться, взял с собой три литра браги, выпил с товарищем. Тот на берегу остался, а наш не доплыл. Сегодня будем тут сидеть, а завтра пойдем на могилку, - говорит. - Огонь гореть у фотографии усопшего будет, пока сам не потухнет.

Таков обычай язычников-ханты. Эта ночь для родителей грядет без сна: надо сидеть без огня. А с утра пойти на могилку делать домик. По древнему обычаю вместо надгробия ханты выстраивают деревянную крышу: на основания ставят стропила и покрывают то ли берестой, иной раз толем. А в домик укладывают котелок, чашку, боеприпасы.

Было время, когда на одном и том же кладбище хоронили всех: ханты, русских, людей другой национальности. А теперь коренные жители предпочитают выбирать место последнего успокоения своего сородича где-нибудь в укромном уголке, в лесу. Это вполне объяснимо. Ведь и тут, как говорится, в священном месте прослеживается варварство со стороны вре-

менщиков. Погребения раскиданы, разорены: котелки, чашки, ложки выброшены из надгробий.

Зарастает хантыйская тропа в эти места, торится новая, ближе к жилью. Но и тут ненадежно. Доходит до того, что истинные хозяева угодий вытесняются навсегда.

Глава II. УГУТ

На песчаном взгорке, любовно прижавшись друг к другу, стоят сосны и елки, чуть дальше кедр и те же небольшие сосны, ели, елка, словно на картинке, красивая, с длинной верхушкой. Так и подмывает надеть на нее наконечник, не дожидаясь шумного, веселого Нового года.

Вниз к реке - пустырь с пожухлой осенней листвой и травой, хлюпающей меж кочками водой. Неожиданный островок, где на память приходит лермонтовское: «на севере диком стоит одиноко на голой вершине сосна». Пять могучих деревьев неразлучны веками и воспринимаются как одно целое.

Отсюда начинался Угут - старое поселение коренных народностей - ханты. Позднее выросли дома на взгорке. И зашагал поселок, заставляя тайгу потесниться. На месте старых крошечных избушек, что были построены в пятидесятых годах по программе сселения ханты, выстроены добротные дома-усадыбы. Только живут в них уже не ханты, а те, кто в поисках лучшей доли переселился сюда. Здесь одним из первых в районе построен аэродром, начавший принимать АН-2. Тогда это было поистине огромным событием в жизни таежного села.

Потихоньку вытеснили собачьи и олени упряжки быстросходные снегоходы «Буран», но купить их нынче могут немногие, к тому же на нем не охота на дичь, а просто ее убийство: зверь не может убежать от гусеничного стрелка.

Коллективизация не обошла стороной таежный маленький Угут. Живущие в нем люди коренной национальности да и окрест его все «записались в колхоз». Где косили сено, готовили дрова, держали лошадей, коров, выращивали картофель, огурцы, капусту.

По клочкам собирали сено, вспоминали старожилы, в низовья Югана не уезжали, вывозить оттуда было трудно, да и не на чем, а путь неблизкий - 200 километров с гаком. Угодья за каждым сохранялись постоянно. И до сих пор в памяти

угутян живут те прежние названия. Чистухинский урей, где были угодя лесника И.Ф. Чистухина.

Место, где жил Семен Кельмин, зовется Сенькиным урьем. Живут названия сенокосных угодий Урубковых, Нестеровых, Пыхтеевых, школьных, больничных... Интересно, что со временем расстояния для сельчан не стали помехой, а сено косить оказалось незачем, скот перевели, общественного стада вообще не стало. А частник редко кто возится теперь с хозяйством. Может, только одни Нестеровы из старых-то и остались верны своей скотинушке.

Село в последние годы значительно выросло. Первой ласточкой нового строительства была школа. После весенней распутицы завезли в село стройматериалы, людей. На помощь летом бросили студенческие отряды. И выросла школа. В память об этом десанте одна из улиц, на которой были поставлены коттеджи для учителей, получила название Львовской. На месте сгоревшей старинной больницы шефы из мостоотряда N15 построили детский сад. Старый купеческий дом купца Тютюцкого, перевезенный сюда из Таурово, перестроен под многоквартирный дом. Купец в свое время занимал все два этажа особняка. Теперь же в нем проживает около семи семей. Сузились пространство.

Была раньше в Угута звероферма, приезжали ученые, работавшие над проблемой разведения зверей в неволе. Сколько тогда женщинам ханты она давала пропитание да и доход приносила немалый. Потом это хозяйство превратилось в убыточное и было закрыто. Вообще, пушная отрасль Угута, что называется, дышит на ладан, потому что угодя, которые занимал зверь, пошли под промышленную разработку. И Угут теперь больше похож на Федоровский или Лянтор - ни село, ни город.

Не стало тут того порядка и уюта, который был присущ старому маленькому Угуту. Не стало и тех вольных ханты, готовых прийти тебе на выручку в качестве старшего брата. Да и поблизости не найдешь хантыйского каслания. Трудно стало жить в урмане, голодно самим, не говоря о том, чтобы содержать вьючных собак. Потускнела и природа, но остались еще ее красивые островки, особенно по весне, когда цветет черемуха, и в воздухе разлит пьянящий аромат нарождающейся

жизни, которая не одного местного поэта настроила на лирический лад.

«На крутом берегу Югана наш поселок Угут стоит. Здесь сосна, береза, рябина в воды быстрой реки глядит», - пишет педагог К. Суханова, живущая здесь более двадцати лет. Одиннадцать из них она организует работу фольклорного ансамбля «Этнос», с которым побывала на фестивалях в Тобольске, Ханты-Мансийске, Сургуте. «Очень любят подопечные гастролировать на своей малой Родине - в Каюковых», - признается Суханова.

Да и она за эти годы полюбила неброскую северную природу, людей, таких милых и доверчивых. Нет для нее лучшего занятия, как порыбачить, просто побродить по лесу, по пескам, тальникам и смородинно-черемуховым зарослям.

- Сама природа вдохновляет меня на писание стихов, - говорит она. - Ко всему еще нередко бывает так, что, когда готовлю программу концерта, не нахожу нужного подспорья, созвучного моей душе материала, вот и берусь за перо.

Теперь изредка на этой таежной речке встретишь индейские пироги, как шутиливо окрестил рыбацкие лодки ханты один знакомый. Они действительно напоминают экзотичные средства передвижения коренных жителей Южной Америки. Ладно сколоченные, почти одних размеров, они все же не похожи друг на друга. Рыбацкая лодка для ханты заменяла летнюю юрту. Это и неудивительно, ведь почти на полтыщи, а то и тыщу километров спускались они на промысел вниз по Югану, уезжая от мест своего каслания.

Поверх этой лодки ханты строили домики, куда можно войти в полный рост. На стропила выстлали бересту, потом толь или, на крайний случай, брезент, ведь под этим шатром должна была разместиться вся хантыйская немалая семья.

У знатного в свое время рыбака Михаила Бисаркина, ныне уже покойного, тоже была такая «пирого». Но жил рыбак в Угуте и потому часто навещал свой дом, для этих целей у него была шлюпка, вначале со «Стрелой», потом уже с быстроходным «Вихрем». Давно уже рассыпалась семья Михаила: одни ушли из жизни сами, другие свели с ней счеты, а его добротная усадьба до сих пор приветливо смотрит в улицу, только нет уже за ней хозяйского догляда.

Без музея был бы неполным рассказ об Угуге. Именно здесь одним из первых начал это дело местный житель Петр Бахлыков, он русский. Но с детства жил среди ханты, душой принял их культуру и первым забил тревогу, видя ее уничтожение. И первым начал собирать экспонаты для будущего музея. Вначале это был уголок в его скромной квартире, где наряду с бубном, иконами, орудиями хантыйского промысла висели и его картины, запечатлевшие быт ханты, отдельных их представителей. Время показало, насколько своевременно он начал делать это. Ведь многое уже осталось только здесь, в музее.

Это уже третья квартира местного музея, переоборудованного из бывших детских яслей. Но энтузиаст и заслуженный уже теперь работник культуры рад и этому. Потому что к музею придана небольшая территория, где Петр Семенович поставил лабаз, печку для изготовления хлеба, другие надворные постройки, присущие хантыйскому быту в урмане и на песках.

Внутри музея несколько залов, где есть страницы прошлого и нынешнего дня. Где размещены чучела животных, в большинстве своем ставших экзотической редкостью в богатых некогда северных лесах. Петр Семенович написал две рукописи о жизни и быте ханты. Прѣехал по всему Югану. От посещения которого невольно родились такие стихи.

«Стонет и гремит тайга. Железом ломают люди. Она стояла тут века, теперь ее не будет. Откуда взялся человек, пришел зачем? Ужели кончился наш век и больше жить не будем? И лес горит, и лось бежит от шума вертолета. И просит, кто меня спасет? Спасти ведь должен кто-то.

Зачем ты, русский человек, пришел, разрушил нашу землю? Мы не простим тебе вовек! Мы жизни этой не примем». (Они простят, они все простят, замечает автор).

Ему рассказывали, что до 1950 года ханты жили вольно и свободно, промышляя зверя, готовя ловушки и охотничьи промыслы. В шестидесятых годах началось сселение таежных жителей. Где по доброй воле, где насильно. Кто сам приводил оленей, у кого забирали. Силой ли, хитростью. Недоужинной хозяйской смекалкой прославились председатели колхозов из местных: Иван Павлович Каюков, Яков Иванович Сенгепов, заведующий зверофермой Кирилл Васильевич Вандымов.

Только некому оказалось продолжить отцовское дело. Молодежь, быстро сориентировавшись, что к чему, не пошла в рыбаки, охотники. Да и не все, оказалось, умеют это делать, не зная ни традиций, ни культуры, ни языка. Но природа не терпит пустоты, и наметившийся вакуум заполнился спиртным.

Пить начали все, пить по-страшному, не помня о чести, долге и совести. Поэтому в коопзверопромхозе, созданном для аборигенов, да и в отделениях нет бригадиров, заготовителей, охотоведов, кассиров, бухгалтеров из местных. Не говоря о руководителях других рангов. Прервалась нить времени: молодежь ушла из юрт, родители уходят из жизни.

Но свято место пусто не бывает. Родовые земли предков ханты захватили нефтяники, геологи, лесозаготовители. А теперь в ход идут торги: ты - мне, я - тебе.

Разорвали новыми районами границы, родственные связи. Живут ханты в одном районе, работают в другом. Раньше сами себя обеспечивали продовольствием, теперь ждут, что продадут. А многое просто и не в состоянии купить. Бывает, что сети поставят, инспекция их снимет. Да и нет уже рыбы в водоемах. На смену ей новые виды появились: горбуша, минтай, сельдь пряного посола. Да и откуда речным деликатесам взяться, ведь ловят-ловят без передышку, даже сырка длиной с палец.

Нечего и говорить о ценах на продукцию. Она смехотворна, как, впрочем, и все расценки, что спущены государством за промысловую рыбу, зверя. А уж о социальных благах и говорить не надо, если в юрте до сих пор горит лампа, фонарь и живут люди, отрезанные от всего мира.

Страшно смотреть теперь на родовые угодья. Это такая же боль, как разрушенные Армения, Грузия, Карабах. Свыше тридцати лет югорская земля находится во власти искателей черного золота. Не одна семья из приезжих сорвала с нее солидный куш, а ханты остались ни с чем. Им ведь даже сегодня в городе и заехать некуда. Была пристанищем деревяшка райбольницы, да и ту разорили, перевели ханты под крупные панели, где он не лечится, а задыхается.

Интересно, что и доходы на угодьях, где жили ханты, и теперь хозяйничают нефтепромышленники, очень-очень разнятся. Катится в пропасть жизнь целого самобытного народа,

и мы, касаясь, сторонимся и даем этому процессу столбовую дорогу.

Глава III. ТРОМ-АГАН (Юбилейный, Ермаковы)

На карте административного деления района крохотный поселок, что вблизи Родникового месторождения, значится как Тром-Аган. В кассе железнодорожного вокзала билеты туда не продают, просишь до Ульт-Ягуна. А там, в поезде, кто куда, говорит, едет: кто до Юбилейного, кто до Тром-Агана, кто до Ермаковых, а выходят все на одном разъезде.

Попасть туда недавно было проблемой из проблем. Впрочем, старое поселение теперь заброшено, Тром-Аган вынудил жителей искать более удобное место, поскольку год от года отвоевывал для себя сушу, меняя русло. На новое месторасположение старого поселка теперь, что называется, и пешим, и конным, если пожелаете, и автомобильным и железнодорожным транспортом можно доехать.

Новый Тром-Аган стоит тоже на крутом живописном берегу, разрезанном наполовину высоким взгорьем. Ну точно въездные парадные ворота, взвоз, откуда пошли шагать рыбацкие избы. Некоторые уже покосились, хотя возраст поселка едва ли насчитывает два десятка лет.

На месте бывшей когда-то школы выросли новые добротные дома. А через болотинку выросла еще одна улица из сборно-разборных щитов, покрашенных в коричневый цвет, и двумя приметными из-за невообразимого темно-синего цвета домами.

Хоть и легковато смотрятся эти щитовые избы, зато внутри тут широкий простор: три комнаты, кухня-столовая, веранда, мансарда. Места хватает даже на большую семью Суровцевых из девяти человек да на их постоянных гостей-варягов - ягодников. Около прирезаны небольшие приусадебные участки, исключительно песчаные, на которых, однако, пытаются хозяева что-то вырастить.

Говоря о новых хоромах, один из хозяев, Яков Сопочин, замечает: «Хороший дом жить-то сейчас. Да зимой, однако, не проживешь: холодно. А куда пойти: в лесу ничего не осталось. Вокруг моей избышки пожар метался, оленей согнал с угодий

и птицу. Почти к самому порогу подошел. Если бы не песок, которым отсыпал завалины, сгорел бы совсем».

«По белому снегу бегут соболя в таежные дебри, в глухие края.

От черного дыма темнеет земля, от красного пыла чернеет тайга!»- это Петр Бахлыков.

«Здесь, в поселке, уж какая жизнь. Хуже чем в войну. Тогда хоть знали, что война, всем трудно, а сейчас-то какая нужда гонит покорителей сметать все живое на своем пути. В эту мясорубку попали и мои угодья. Там теперь хозяйничают лесообработчики-кооператоры, срезают и увозят здоровый лес под видом горельника».

Не однажды во время рассказа смахнула непрошеную слезу еще одна жительница этого места Римма Галактионовна Кечимова. Она уже в преклонном возрасте. А на вид маленькая, сухонькая, как девчонка. Лишь потухший взгляд, все время печальный и горестный, напоминает о возрасте.

Можно по пальцам пересчитать, сколько ханты в юртах осталось: Семен Ермаков, Игорь, Сергей и Андрей Ермаковы, Василий Кечимов. На зиму уезжает в урман Илья Сопочин. Ну еще семей пять наберется. Долго держался за свое место в лесу Николай Константинович Покачев, да выкурили, приехал в деревню, чтобы найти там свой последний приют. Года не прожил.

А на месте старого Тром-Агана, снятого по причине выхода реки из берегов с насиженного места, соседние «федоровчане» базу отдыха открыли. И гуляют там, как Кафтанов на заимке, дичь уничтожают. Раньше на деревенском озере уток и другой дичи было много, а сейчас они стороной облетают это гиблое место. В пустыню превращены лесные массивы с 205 километра вниз по реке.

Как признавался мне Николай Константинович, да и многие ханты, в тайге нынче стало жить небезопасно: подпалят, подстрелят, а то и бульдозером пропашут. В этом вполне можно убедиться осенью, когда наступает ягодная пора. Сюда, на Тром-Аган, устремляются в буквальном смысле орды ягодников. Ханты тогда получают некоторый заработок. Перевозят их на тот берег, а то и дальше везут. Многие уж и в лес за

ягодой идти бояться, потому что плывут на шлюпках, падают с вертолетов грибники и ягоdniки-горожане.

И мне подумалось, что не спасут и не сохранят коренных жителей охранные грамоты на родовые угодья: их ведь надо отстаивать, а какими силами, если пожизненно ханты жил своей семьей в юрте, стоящей далеко от другой. Всю жизнь ханты решал сам свои проблемы, не надеясь на интернаты, дома престарелых, инвалидов. А теперь у Сергея Ермакова растет большая дочь, совершенно не может ходить. Бабушка вывезла ее в соседний Когалым, так как имеет там квартиру и теперь ждет, когда подойдет очередь для определения Фаи в инвалидный дом. А это равнозначно, что подписать ей смертный приговор.

Из Когалыма часто посылают в Тром-Аган кое-какие продукты те, кто прописался в городе, вынужденный уйти с насиженного места. Это и большая семья Ермаковых, по имени угодий которых Тром-Аган получил одно из трех своих названий.

Глава IV. НИЖНИЙ СОРТЫМ

Это владения Нимперовых, Колывановых, Рынковых, Кантеровых, Мултановых и других родов, еще недавно пимских ханты. Пим теперь именуется Лянтормом, который словно гигантское колесо подмял, поглотил некогда глухой таежный поселок, от которого теперь остались рожки да ножки. А на его месте встал песчаный город с многоэтажками-деревяшками да крупнопанельными домами. И не село, и не город. Таких безликих мест обитания у приехавших сюда нефтепереработчиков великое множество.

До Нижнего Сортыва от Лянтора 120 километров, а до Степана Николаевича Нимперова, Михаила Мултанова, Дмитрия Кантерова и того больше. По старой границе примерно в 20 верстах от нового поселка начинался Русскинской край. Потом его перекроили в связи с тем, что Нижний Сортыв оказался лакомым кусочком для нефтяников. В то же время - это оказался последний уголок сохранения самобытной хантской культуры, за который, образно говоря, они стоят насмерть.

По утверждению старых ханты, - это святое место. Их было много для каждого рода. Там женщине невозможно было

подняться, даже ноги с нарт спустить. Только мужчины шли на поклонение, а женщины по краю костер зажигают, олени упряжки охраняют. Нередко в таком месте ставили ханты священный лабаз и ревностно его охраняли.

Лабазы установлены на ножках. Ведет туда лесенка, дверь низкая, такая, что только внутрь зайти можно, согнувшись. Там у дальней стены (ее называют чистой) располагаются деревянные образа. Лица их плоские, с едва намеченными глазами, губами, они кажутся иногда веселыми, иногда грустными, иногда строгими и торжественными. Впрочем, посторонний зайти в лабаз не может. Не имеют права заходить в священный лабаз и женщины-ханты, а в процедуре языческого обряда жертвоприношения они принимают только пассивное участие. При обрядах женщине отводится место подальше от лабаза, сбоку от него, так, чтобы они не смогли смотреть богам в лицо. По представлению ханты, женщины больше связаны с «нижним» миром.

Когда мы ехали с Яковом Николаевичем на те святые земли, по краю которых проходил наш путь, он показал деревья и гриву, которая разделяла владения Русскинских и Пимских ханты. Помнит он хорошо то место, где убил первую лису и принес ее на воротник хозяйке, где охотился на глухарей, на копалух. Словом, каждый кустик здесь у него связан с кусочком его небольшой жизни.

- Оленей у меня было штук 30, - говорит Яков. - А сейчас одиннадцать осталось. Болеют и умирают олени, потому что факела, дороги, цивилизация подошли.

Вспоминал, что и у Кирилки Кантерова, Жени и Филиппа Нимперовых было по 100-60-50 голов, а сейчас вдвое или втрое меньше. Еще и охотятся на домашних оленей. Сгоряча животное далеко убегает, но, раненое смертельно, падает где-то в глуши, и не достается добыча охотнику, которого еще и рога привлекают.

Значительно уменьшенные угодья Нимперовых теперь зовутся Камыньским месторождением. И это очень обижает Якова Николаевича, заметившего, что даже в названиях-то стерли их с лица земли. А мы, говорит, с петровских времен здесь живем. И карты были с границами угодий. Разорение пришло

с советской властью, которая после казымского восстания ружья и карты отобрала, границы перекроила. «А мы помним их по кустикам, по речушкам, по озеру и передаем это своим детям, чтобы не умирала память».

Эти границы разделили сегодня Аганских и Тром-Аганских ханты, которые до сих пор поддерживают связи, отторгли Варь-Еган, Покачевские юрты. А люди, однако, перемещаются по своим старым дорогам. Хотя в Агане теперь тоже не найдешь тех людей, которые жили вольно и свободно, были независимы и горды.

Глава V. РУССКИНСКИЕ

В многочисленном семействе Короп Катя была самым младшим восьмым ребенком. Она появилась на свет, когда отца уже не было в живых. Его ношу пришлось взвалить на свои плечи матери, старшим братьям и сестрам. Вполне понятно, что маленькая Катя часто была предоставлена себе самой.

Осенью старшие сестры уезжали в школу, мать уходила на охоту или на рыбалку. Тоскливо и одиноко становилось в доме и все чаще девочка мечтала скорее подрасти, чтобы ходить в школу. Училась Катя прилежно, и Тром-Аганские педагоги, супруги Алачевы, Анастасия Михайловна Холодова, Валентина Фроловна Низовских прочили ей хорошее большое будущее.

Это они зародили в ней искорку надежды стать большим врачом. Они же написали запрос в Омский медицинский институт. После окончания которого Катерина вернулась домой в качестве лечащего врача. То-то радости было у земляков. Еще бы, ведь у них теперь был свой врач.

Довелось ей поработать депутатом Верховного Совета СССР. Была тогда такая мода, что кандидатами называли непременно представителя коренной национальности. Жаль, что Екатерина Ивановна была не коммунистом, но все равно ее выдвинули кандидатом, проголосовали. Как это было еще совсем недавно - 99,9 процента. И стала Мухина, в девичестве Короп, членом правительства.

Да не просто пешкой. Два больших вопроса удалось ей сдвинуть с мертвой точки. Организацию заповедника по Не-

гусьяху, что в Угутском урмане и строительство тубдиспансера. Правда, строившееся здание для ханты, больных туберкулезом, так и не стало тубдиспансером: в нем теперь открыты травматологические покои. Но что поделаешь, как говорится, плетью обуха не перешибешь. С трибуны XXV съезда тогдашний первый секретарь во всеуслышанье заявил, что в Сургуте откроется травматологическая больница, где пропишется Илизаровская клиника. Полетели Катеринины планы в тартарары. Переоборудовали новое здание, не считаясь с затратами. А противотуберкулезный диспансер снесли военной техникой и заселили тамошних больных в приспособленное четырехэтажное здание, где нынче не встретишь ханты.

Как, впрочем, нет их и в селах, где свернули потихоньку те десять коек, которые мало-мальски поддерживали его здоровье.

А заповедник стоит, правда, проблем в нем накопилось немало, но есть надежда, что хоть этот кусочек тайги останется нетронутым. И все благодаря девушке из юрт Кате Короп, теперь Екатерине Ивановне Мухиной.

Катерина давно живет в Сургуте, а ее соплеменница - землячка Надя Покачева имеет в Русскинских крошечную квартиру, а живет постоянно с мужем Димитрием и пятью дочерьми в вершине Глятты-Ягуна. Ниже по течению высадились нефтепромышленники из Тевлиннефти, что базируется в Когалыме. Они-то и отравили речку, которая кормит семейство Покачевых. Благо, нефтяники расквартировались ниже по течению. Но все равно урон есть.

Когда-то в Надином детстве также отравили угожья ее родителей: их поглотила федоровская нефть. Трудно теперь узнать эти места, которые предки считали священными. И до сих пор отец Надежды сюда ездит поклониться Имилору, принося перед поездкой Верхнему двух-трех оленят. Когда-то девушки через озеро в венке переезжали, на ветви его бросали, если человек хороший, долго висел венок.

В этих местах пять чумов стояло, у каждого не по одному лабазу. В 1942 году отец ее с теперешним свекром пять раз в Сургут на обласах с перетасками ездили, на фронт призывали, но каждый раз возвращали, продлевая бронь. Не было на угожьях тогда лучших рыбаков, чем Иван Павлович Вандымов и Се-

мен Никитич Покачев, родители Нади и Мити. Покачевы ушли на север, почти на границу с Ямалом. Сколько на родовых угодьях Вандымовых, Покачевых, Кнезьяновых всякого добра осталось, которое не уместилось на оленью повозку! Ведь в срочном порядке выселяли ханты, чтобы не мешали нефтеразработчикам. Как на поле боя. Оно и есть поле боя: даже сейчас здесь все гремит, кипит, а вместо леса высятся станки-качалки, трубы да огромные цистерны, заборы, всевозможные цеха.

Выдавая дочь замуж, Иван Павлович Вандымов дал ей приданое оленей. Долго ходил один в коренниках у молодой четы, пока не состарился. Голову того оленя Надя по обычаю надела на лесину. Вроде как жертвоприношение лесу. Год от году рогов на деревьях становилось все больше. Но пришли промышленники и поснимали их. Надя сама видела, как в балке в углу были свалены «трофеи», в том числе и голова того оленя из приданого.

По осени, когда олени разбегаются, многих не досчитываются Покачевы. Что скрывать, главное бедствие для доверчивых животных - человек, обуреваемый единой мыслью о пропитании.

Да вот как не давили ханты, а оберегают они свои обычаи и передают из поколения в поколение. Надя, к примеру, рассказывает, что земле, воде и огню она и ее сородичи жертвуют подношения. Воде - голубую или белую ткань, земле - черную, огню - красную подносят. Верховному или покойнику оленей колют. Если на незнакомое место приедут - копейки на землю бросают, куски ткани на дерево вешают.

Теперь эти обычаи соблюдать стало трудно. На поклон к Казымской Бабе надо идти, говорит она. Возможно, это та золотая богиня, о которой ходят легенды, которую ищут, но найти никто не сумел. Надя образно живописует богиню. Змея - коса ее, ящерица - пуговицы, птичка-синичка - колокольчики на платке. Видеть змею обязательно к худу.

А уж и худо-то и лихо подстерегают ханты на каждом шагу. И даже в том, другом мире нет им спасения. У Нади было шестеро детей, один умер, и схоронили его родители в своих угодьях. Но пришла дорога и сровняла этот крошечный

холмик, так же как бульдозер и ковш экскаватора вскрыли захоронения ханты близ Русскиных.

Такая же картина на Федоровском, Омур-Яуне - белеют черепа и кости хранителей северных сокровищ, таежного выносливого народа. Начиналась Надина жизнь, как у множества ее сверстников, в необъятных лесах, где чисто и свежо, где думается только о хорошем. И муж ей попался под стать, немногословный да разумный. Да не хватает теперь ханты земли.

«Зачем пришел ты, русский брат? Сгубил мою тайгу. Ее как память об отце я с детства берегу», - вопрошает Бахлыков.

Агафья теперь в немолодых годах, пенсионерка, одна из постоянных жительниц Русскиных и самая мастеровитая швея. Такие шьет одежды, что залюбуешься. Вытаскивает из сундука одну вещь за другой, одну другой краше. Показывает бабушкины, материнские наряды. Не хитрыми камнями, жемчугами, золотом выписан узор, а бисером и крохотными кусочками ткани, меха. Орнамент, словно с картинки списанный. Без единого изъяна, как у вышивок шведского короля - ни одного узелка не увидишь. Стежок-то хоть и руками, а словно линейкой прочерчен. Самая изящная вещь - ернас из шелковой тафты, переливается и блестит, оригинальность ему придает бисерное жабо.

А она достает еще и еще. Еще и роскошные цветные шали к ним прикладывает, прикидывает. Похоже, сама любит. Это искусство художественной росписи ткани Агафья унаследовала от матери. Смотрела, говорит, как она узоры рисовала, теперь и сама рисует.

Уже на склоне лет Агафья Покачева удостоилась диплома за участие в фольклорном фестивале югорского искусства. Там она за мизерную плату оставила свое лучшее изделие, здесь отдала в музей в местный центр культуры. Еще с десяток схоронила на дне сундука. Кто знает, удастся ли ей еще смастерить чудо из ткани, ведь и дорого, да и нет, к примеру, в продаже бисера. И глаза плохо видеть стали, и тяжелая жизненная ноша в землю вдавила. Да и не о себе уж печаль, о детях, судьба которых не балует, как не баловала она Агафью. Муж рано умер, его не обошла стороной цивилизная лихорадка, когда за шкурку с ханты рассчитывались огненной водой.

Пытались, говорит, наши предки воспротивиться этой цивилизации, собирали восстание на Казыме, о чем ей рассказывала мать. Восстание только в слухах и было, тем не менее ханты жестоко поплатились. В густой крови потопили хантыйские семьи, многие из них вынуждены были бежать. Даже фамилию сменили родители Агафьи. И осталась Агаша на Русскинской земле. Живет с сыновьями и дочерью в не слишком-то просторной избе, заставленной кроватями, лежанками, при скудном рациионе питания.

Поэтому и работает, в кооперативе полы моет, в школе звонки подает, а летом еще на Тром-Агане удочкой промышляет на варю-жарю. Такая вот жизненная проза уживается в ней с высоким полетом души.

* * *

Там, где совсем недавно жил Сергей Кечимов с матерью Полиной Филипповной, сейчас стоит дожимная насосная станция. А недавние хозяева этих мест квартируют где попало.

Погода была студеной, снег шел вперемешку с дождем, и здесь, в центре культуры, месте работы Сергея было зябко и стыло. Они с Семеном сидели в верхней одежде у стола и хлебали горячий чай с кусочками сахара и хлеба. Сергей и Семен числятся здесь артистами и своеобразными мастерами. Их стараниями собраны и изготовлены национальные музыкальные инструменты.

В небольшой комнате собраны поистине бесценные сокровища: поделки из меха, искусно вырезанные и сплетенные нарты, сани, кисы. Кисы-малютки с расписными голенищами. Миниатюрное хантыйское стойбище. Ну чем тебе не Нацокинский домик. Впору в музей под стекло. Здесь старинные, избитые дождем и непогодой нарсьюх, что в переводе означает «журавль», бубен шамана, выходная одежда.

Поет под тонкими пальцами Семена торрупвон, выводит артист грустную, с редкими радостными нотками мелодию. Семена научил игре на своих инструментах его отец - Тимофей Кечимов, который и сам еще выступает на редких теперь хантыйских праздниках.

Но все, что есть в центре культуры - это не предмет купли-продажи. Это для услады души и глаза, для каждого, кто

зайдет сюда. Для народа-ханты, пытающегося возродить, сохранить свою культуру, нравы, обычаи и быт.

Заведует центром культуры Лидия Ивановна Сопочина, при нем создан и национальный ансамбль «Вонтнэ», который представлял аборигенное искусство на четвертом Международном финно-угорском фестивале, прошедшем летом 1993 года. Центр в Русскинских принимал и его гостей. Сергей с Семеном тоже выступали, не ударили в грязь лицом.

* * *

Каждый, кто бывает в Русскинских, непременно зайдет в музей, который моложе Угутского, а значит, несколько уступает ему по числу экспонатов, но все равно он уникален по своему содержанию.

За более чем двадцатилетнюю жизнь в Русскинских его создатель Александр Павлович Ядрошников собрал немало экспонатов. То копьё старинное отыщет, то шаманский бубен принесет. Есть в музее ружья старинных марок, мордушки, искусно сплетенные из тонких реек, медные и бумажные деньги-екатерининки, рубли и червонцы начала века. И конечно, уникальный мир зверей, птиц, животных, населявших или населяющих северный край, главным образом окрестности Русскинских.

Среди этого многообразия пальма первенства отдана хозяину тайги - медведю. Голова его покоится на медном подносе, который превратился в своего рода жертвенник. Сюда приходят промысловики, камлают, по обычаю кладут деньги.

Наверняка Александр Павлович не думал, что медвежья голова станет не только экспонатом, но и предметом культового поклонения. Видно, в лесу совсем уж стало невозможно отправлять обряды.

Остановлено и застыло мгновение опасной схватки медведя и охотника-ханты. Неудивительно, что с хозяином тайги аборигены стараются жить в дружбе, лишь в крайнем случае вступая с ним в схватку. Ловок и проворен царь здешних зверей. Его умамливают, одаривают, проводят медвежьи праздники. К тому же по поверью, медведь - любимый сын Торум-ики, поклоняясь ему, они просят милости у Всевышнего.

О многом могут рассказать музейные экспонаты, которые переселились в более просторное помещение, выстроен-

ное в спешном порядке к тому же международному фестивалю. Правда, не очень оно надежно, ведь приспособлено из пластикового общежития. Первый дождичек и промочил его потолок, что очень опасно для музейных экспонатов.

Но места здесь значительно больше, что позволяет показать все собранное богатство.

Когда-то Русскинские были юртами. Многие выходцы из Казыма нашли здесь приют. Но постепенно цивилизация потеснила аборигенов.

Нет теперь юрт Русскинских, а есть деревня, которую старожилы и новоселы по-прежнему называют Русскинские. Прижилось и не хочет умирать.

Когда-то широко и многолюдно здесь проходили слеты рыбаков и охотников. Гостей на них приезжало видимо-невидимо. Чаще не без корысти ехали туда, пренебрежительно замечая, мол, стоит посмотреть, когда они, то есть ханты, напьются. Но были и есть среди этой массы люди, движимые интересом к обычаям, культуре и быту ханты. Здесь еще не все утрачено, и благодаря стараниям местной интеллигенции можно восполнить пробелы в представлениях о самобытном народе.

Хантыйские захоронения, о которых речь пойдет ниже, как и сами этнические группы, очень отличаются друг от друга. Вот погост в Русскинских, где, кстати, рядом похоронены русские и ханты, немцы и украинцы. Могилы аборигенов тут выделишь сразу. Это деревянный склеп, покрытый толем или берестой, который выстроен на оленьей шкуре. Словно наспех приставлен к нему поминальный крест с повязанной почти посередине тряпичей. А рядом нарта, облас, домашняя утварь.

Кажется, что хозяин только-только покинул очаг, повесив на гвоздь прокопченный чайник или опрокинув его у домика, собрав нехитрую посуду в искусно сплетенную корзину-корневатик.

Увидишь и захоронения, вокруг которых в беспорядке разбросаны банки-склянки, тарелки, чашки. Чьими-то усилиями сброшена с погоста и попала в воду нарта, растащены по подгорью обласа. Ханты не знали такого варварства. Они до сих пор почитают священным место последнего успокоения сородичей, которых, по поверьям, нельзя беспокоить.

Все в ритуале погребения ханты глубоко символично и отражает незыблемую веру живых в загробный мир. Надо, по их понятиям, все собрать сородичу для его переселения на тот свет, чтобы там он не знал ни в чем нужды и не обижался на оставшихся на земле.

Конечно, со временем эти подношения ржавеют, старятся. Но все идет своим чередом, по воле Бога... Так повелось исстари. Никто не меняет утварь на погосте, но никто и не трогает... Точнее сказать, не трогал. Потому что сейчас забрести на кладбище по поводу и без него может любой. Хорошо, если им движет любопытство или интерес.

Погост в Русскинских раскинулся на высоком сухом месте, в необычайно красивом обрамлении редких сосен и полой по весне воды. Под одним саркофагом я увидела оленью шкуру. Остальные положены на сырую землю. Маленькая деталь, говорящая об изменении жизни коренного населения, не имеющего уже в своем большинстве оленей. На нескольких прилепились деревянные кукушки. Ханты верят, что они расскажут тем, кто на том свете, о жизни их сородичей.

Теперь в районе осталась, пожалуй, только эта деревня, где есть центр хантыйской культуры. Дай-то Бог, чтобы она сбереглась. Чтобы не пришлось археологам будущего восстанавливать по камешку, по кирпичику самобытную культуру, как у древнего племени майя.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. Точка на карте района.	3
<i>Глава I. Сытомино. . . . .</i>	<i>4</i>
У Чертовой ямы	5
Ямское.	6
<i>Глава II. Песчаный. . . . .</i>	<i>11</i>
<i>Глава III. Тундрино. . . . .</i>	<i>20</i>
<i>Глава IV. Высокий Мыс. . . . .</i>	<i>26</i>
<i>Глава V. Граница района. . . . .</i>	<i>31</i>
<i>Глава VI. Не исчезай, мое село. . . . .</i>	<i>37</i>
<i>Глава VII. Пасол. . . . .</i>	<i>41</i>
<i>Глава VIII. Вахлово. . . . .</i>	<i>57</i>
<i>Глава IX. Сургут. . . . .</i>	<i>62</i>
Часть II. Сургут.	70
<i>Глава I. Эхо умолкшего имени. . . . .</i>	<i>70</i>
Из греков в варяги.	75
Часть III. Югра тревоги нашей.	87
<i>Глава I. Пасынки судьбы. . . . .</i>	<i>87</i>
<i>Глава II. Угут. . . . .</i>	<i>93</i>
<i>Глава III. Тром-Аган (Юбилейный, Ермаковы) . . . . .</i>	<i>98</i>
<i>Глава IV. Нижний Сортым. . . . .</i>	<i>100</i>
<i>Глава V. Русскинские. . . . .</i>	<i>102</i>
ОГЛАВЛЕНИЕ.	110

Давайте жить красиво.

Хотя бы в рекламе

Рекламное агентство

ТЮМЕНСКАЯ ПРАВДА

ждет вас

т. 26 - 16 - 65 24 - 03 - 40(Факс)

Центральная
городская
библиотека
г.Сургут

9000091024

КОНДРЯКОВА Галина Владимировна

Три века и 13 лет

Корректор Елена ФАТЕЕВА.

Подписано в печать 18 июля 1994 г. Формат 84x108/32. Бумага писчая. Гарнитура "Textbook" Офсет. Объем 7 печ. л. Тираж 5000.

Книга отпечатана в ИПП "Тюмень" (625002, г.Тюмень, ул.Осипенко, 81) с диапозитивов, изготовленных в издательском отделе редакции газеты "Тюменская правда"
(Тел.: 345-2-26-12-25;
345-2-26-26-75).
Заказ №43.

